ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ
БОРИС ЗАХОДЕР
ПОДАРОК
первокласснику
АГНИЯ БАРТО
ИРИНА ПИВОВАРОВА
АНДРЕЙ УСАЧЁВ
АЛЕКСАНДР РАСКИН
МАРИНА ДРУЖИНИНА
БУКВАРЬ

СТИХИ

РАССКАЗЫ

РЕБУСЫ

КРОССВОРДЫ

Художник
Андрей Лукьяненко

ПОДАРОК первокласснику

Москва
ОНИКС-ЛИТ

инв.№ 181107

Агния Барто

Первый урок

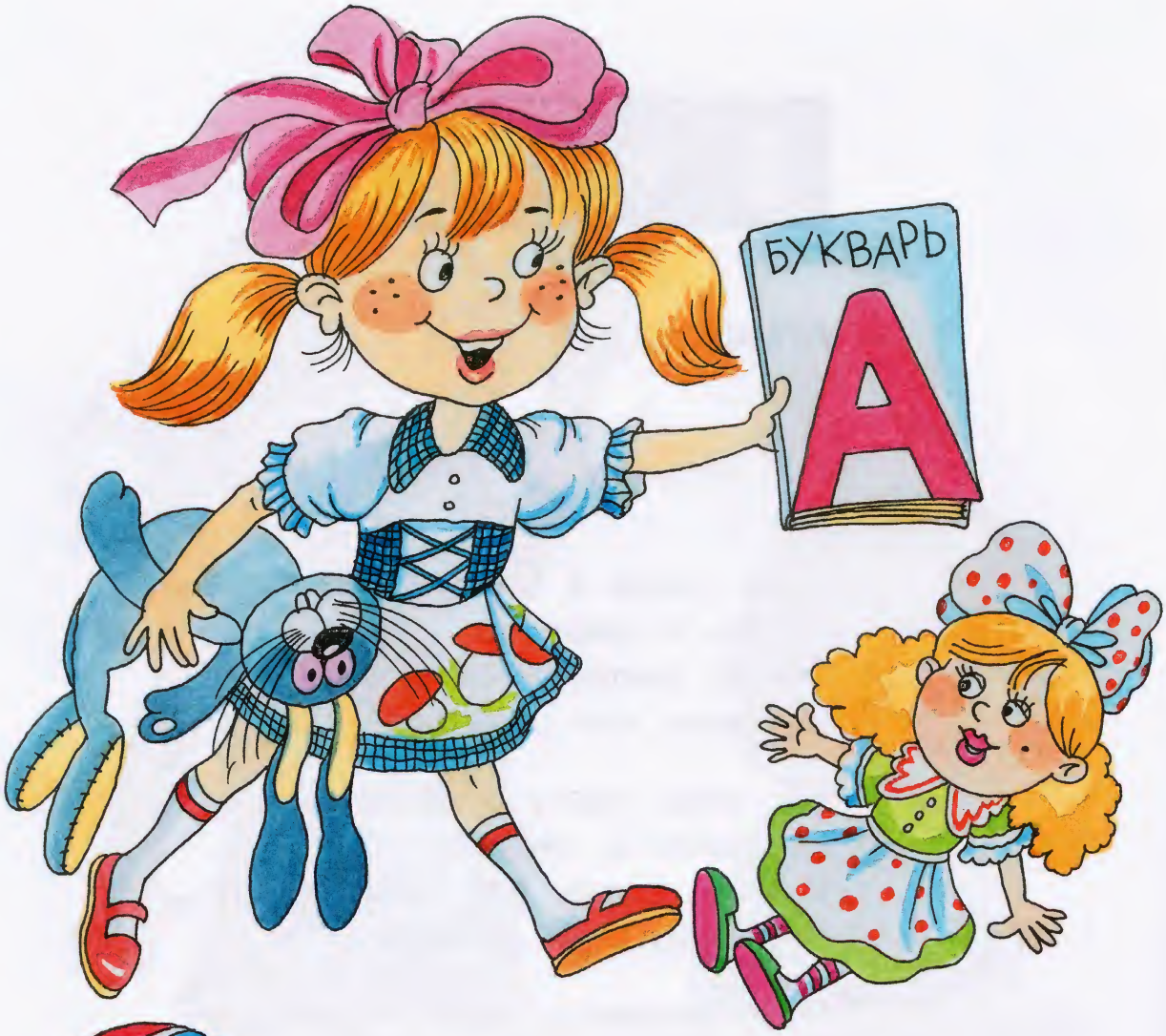
Я на уроке в первый раз.
Теперь я ученица.
Вошла учительница в класс, —
Вставать или садиться?

Как надо парту открывать,
Не знала я сначала,
И я не знала, как вставать,
Чтоб парта не стучала.

Мне говорят — иди к доске, —
Я руку поднимаю.
А как перо держать в руке,
Совсем не понимаю.

Как много школьников у нас!
У нас четыре Аси,
Четыре Васи, пять Марусь
И два Петровых в классе.

Я на уроке в первый раз,
Теперь я ученица.
На парте правильно сижу,
Хотя мне не сидится.



Я выросла

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю,
Соберу свои игрушки
И Серёже подарю.

Деревянную посуду
Я пока дарить не буду.
Заяц нужен мне самой —
Ничего, что он хромой,

А медведь измазан слишком...
Куклу жалко отдавать:
Он отдаст её мальчишкам
Или бросит под кровать.

Паровоз отдать Серёже?
Он плохой, без колеса...
И потом, мне нужно тоже
Поиграть хоть полчаса!

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю...
Но я, кажется, Серёже
Ничего не подарю.

По дороге в класс

Спешил Никита на урок,
Шёл, не сбавляя шага,
Вдруг на него рычит щенок,
Кудлатая дворняга.

Никита — взрослый! Он не трус!
Но шла Танюша рядом,
Она сказала: — Ой, боюсь! —
И сразу слёзы градом.

Но тут её Никита спас,
Он проявил отвагу,
Сказал: — Иди спокойно в класс! —
И отогнал дворнягу.

Его Танюша по пути
Благодарит за смелость.
Ещё разок её спасти
Никите захотелось.

— Ты потеряешься в лесу,
А я приду — тебя спасу! —
Он предложил Танюшке.

— Ну нет! — ответила она. —
Я не пойду гулять одна,
Со мной пойдут подружки.

— Ты можешь в речке утонуть!
Вот утони когда-нибудь! —
Ей предложил Никита. —
Не дам тебе пойти ко дну!

— Я и сама не утону! —
Она в ответ сердито.

Она его не поняла...
Но ведь не в этом дело!
Он всю дорогу до угла
Спасал Танюшу смело.
В мечтах её от волка спас...
Но тут пришли ребята в класс.

Серёжа учит уроки

Серёжа взял свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озёра начал повторять
И горы на востоке.

Но тут как раз пришёл монтёр.
Серёжа начал разговор
О пробках, о проводке.

Через минуту знал монтёр,
Как нужно прыгать с лодки,
И что Серёже десять лет,
И что в душе он лётчик.

Но вот уже зажёгся свет
И заработал счётчик.

Серёжа взял свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озёра начал повторять
И горы на востоке.

Но вдруг увидел он в окно,
Что двор сухой и чистый,
Что дождик кончился давно
И вышли футболисты.

Он отложил свою тетрадь.
Озёра могут подождать.

Он был, конечно, вратарём,
Пришёл домой не скоро,
Часам примерно к четырём
Он вспомнил про озёра.

Он взял опять свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озёра начал повторять
И горы на востоке.

Но тут Алёша, младший брат,
Сломал Серёжин самокат.

Пришлось чинить два колеса
На этом самокате.
Он с ним возился полчаса
И покатался кстати.

Но вот Серёжина тетрадь
В десятый раз открыта.

— Как много стали задавать! —
Вдруг он сказал сердито. —
Сижу над книжкой до сих пор
И всё не выучил озёр.

Звонки

Я Володины отметки
Узнаю без дневника.
Если брат приходит с тройкой —
Раздаётся три звонка.

Если вдруг у нас в квартире
Начинается трезвон —
Значит, пять или четыре
Получил сегодня он.

Если он приходит с двойкой —
Слышу я издалека:
Раздаётся два коротких,
Нерешительных звонка.

Ну, а если единица —
Он тихонько в дверь стучится.

Зинаида Александрова

В школу

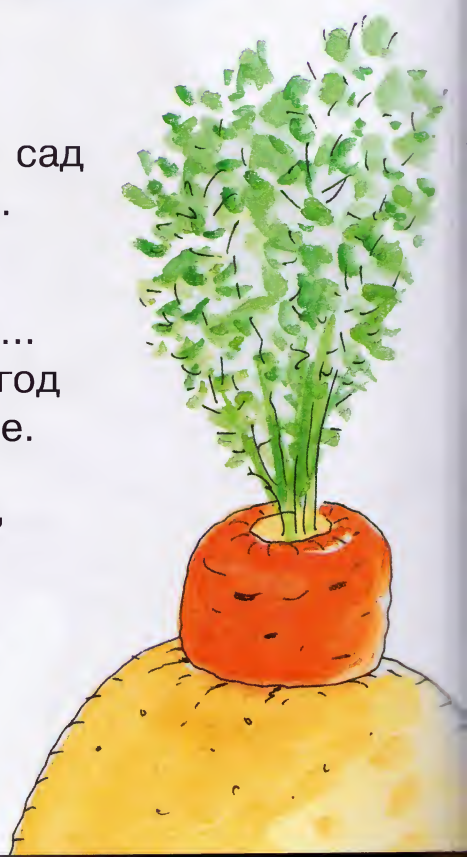
Листья жёлтые летят,
День стоит весёлый.
Провожает детский сад
Ребятишек в школу.

Отцвели цветы у нас,
Улетают птицы.
— Вы идёте в первый раз,
В первый класс учиться.

Куклы грустные сидят
На пустой террасе.
Наш весёлый детский сад
Вспоминайте в классе.

Вспоминайте огород,
Речку в дальнем поле...
Мы ведь тоже через год
Будем с вами в школе.

Дачный поезд отошёл,
Мимо окон мчится...
— Обещаем хорошо,
Лучше всех учиться!



Детский сад

Апрельским весёлым
Пахну́ло теплом.
Наташина школа
Стоит за углом.

В ней девочки учатся.
Сколько их тут!
С Наташей попутчицы
Рядом идут.

У них разговоры
Про школу, про класс:
— Ой, девочки, скоро
Диктовка у нас!

— У Маши чернила
Пролились опять!
— А я научилась
Задачки решать!

И мальчики наши
В апрельские дни
Теперь без Наташи
Гуляют, одни...

У детского сада
Проводят часы,
В сквозную ограду
Просунув носы.

В саду пароходик
Плывёт по ручью.
— Куда ты, Володя?
— К ребятам хочу!

Из нашего дома
Здесь много ребят...
Вот мальчик знакомый,
Он будет нам рад!

Он даст нам погладить
Живого щенка! —
На мокрой ограде
Озябла рука,

Прижался Володя
К братишке плечом.
Ребята заводят
Машину ключом.

Горит у шофёра
На шапке звезда!
— Серёжа, мы скоро
Поступим сюда!

Ирина Токмакова

Букваринск

Был на речке на Чернильной
Город маленький, не пыльный,
С незапамятных времён
Букваринском звался он.
Там, не ведая невзгод,
Очень славный жил народ:
Хлебосольный,
Незлобивый,
Дружный и трудолюбивый.

А — аптекарь,
Б — бочар,
В — валяльщик,
Г — гончар,
Д — дробильщик здоровенный,
Е — ефрейтор, он военный,
Ж — жестянщик-простачок,
З — закройщик-старичок,
И — историк бородатый,

К — красильщик франтоватый,
Л — лудильщик,
М — маляр,
Н — носильщик,
О — овчар,
П — писатель,
Р — радист,
С — сапожник,
Т — турист,
У — бесстрашный укротитель,
Ф — чудак фотолюбитель,
Х — художник-баталист,
Ц — известный цимбалист,
Ч — чудесный часовщик,
Ш — шофёр, большой шутник,
Щ — щенок его Букетик,
Э — электрик-энергетик,
Ю — юрист,
а дальше
Я — это я, мои друзья!

Конец

Валентина Осеева

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. У Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш!

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что ж, спроси ещё брата, — говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько, — говорит Лена.

— Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

— Ну что ж ты? Бери!

— Не надо, — отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

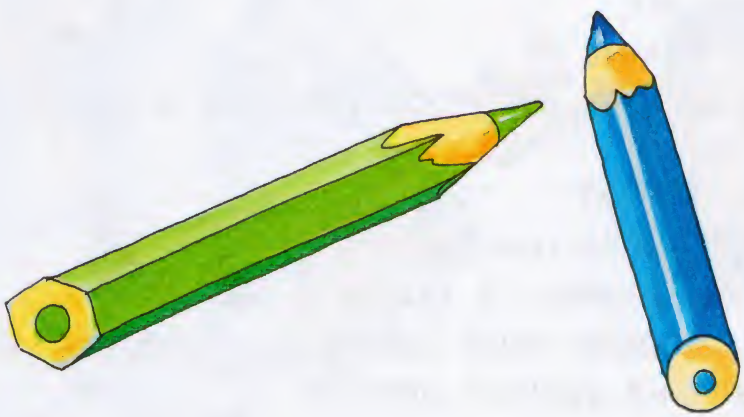
— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.



Навестила

Валя не пришла в класс. Подруги послали к ней Мусю.

— Пойди и узнай, что с Валей: может, она больна, может, ей что-нибудь нужно?

Муся застала подружку в постели. Валя лежала с завязанной щекой.

— Ох, Валечка! — сказала Муся, присаживаясь на стул. — У тебя, наверно, флюс! Ах, какой флюс был у меня летом! Целый нарыв! И ты знаешь, бабушка как раз уехала, а мама была на работе...

— Моя мама тоже на работе, — сказала Валя, держась за щёку. — А мне надо бы полосканье...

— Ох, Валечка! Мне тоже давали полосканье! И мне стало лучше! Как пополощу, так и лучше! А ещё мне помогала грелка горячая-горячая...

Валя оживилась и закивала головой.

— Да, да, грелка... Муся, у нас в кухне стоит чайник...

— Это не он шумит? Нет, это, верно, дождик! — Муся вскочила и подбежала к окну. — Так и есть, дождик! Хорошо, что я в галошах пришла! А то можно простудиться!

Она побежала в переднюю, долго стучала ногами, надевая галоши. Потом, просунув в дверь голову, крикнула:

— Выздоравливай, Валечка! Я ещё приду к тебе! Обязательно приду! Не беспокойся!

Валя вздохнула, потрогала холодную грелку и стала ждать маму.

— Ну что? Что она говорила? Что ей нужно? — спрашивали Мусю девочки.

— Да у неё такой же флюс, как был у меня! — радостно сообщила Муся. — И она ничего не говорила! А помогают ей только грелка и полосканье!

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо, — сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. — До обеда далеко ещё!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю... — тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверно, в кармане нёс, а надо в сумку класть, — сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь!

Все вместе

В первом классе Наташе сразу полюбилась девочка с весёлыми голубыми глазками.

— Давай будем дружить, — сказала Наташа.

— Давай! — кивнула головой девочка. — Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

— Разве если дружить, так надо вместе баловаться?

— Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! — засмеялась Оля.

— Хорошо, — нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась. — А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

— Ну, это редко! — сморщила носик Оля. — Это смотря какую подружку себе найдёшь!

Вырванный лист

У Димы кто-то вырвал из тетрадки чистый лист.

— Кто бы это мог сделать? — спросил Дима.

Все ребята молчали.

— Я думаю, что он сам выпал, — сказал Костя. — А может быть, тебе в магазине такую тетрадку дали... Или дома твоя сестрёнка вырвала этот лист. Мало ли что бывает. Правда, ребята?

Ребята молча пожимали плечами.

— А ещё, может, ты сам где-нибудь зацепился... Крах! — и готово!.. Правда, ребята?

Костя обращался то к одному, то к другому, торопливо объясняя.

— Кошка тоже могла вырвать этот лист... Ещё как! Особенно котёночек какой-нибудь...

Уши у Кости покраснели, он всё говорил, говорил что-то и никак не мог остановиться.

Ребята молчали, а Дима хмурился. Потом он хлопнул Костю по плечу и сказал:

— Хватит тебе!

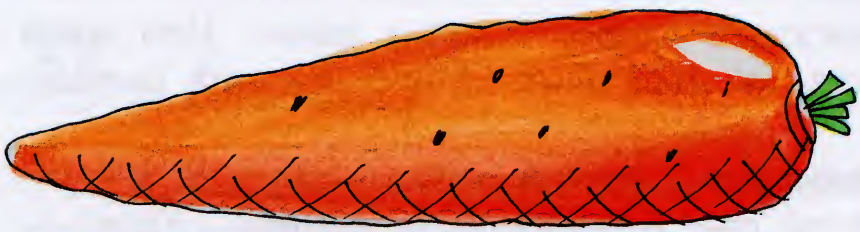
Костя сразу обмяк, потупился и тихо сказал:

— Я отдам тебе тетрадь... У меня есть целая!..

Валентин Берестов

Урок рисования

Учитель положил на стол морковку.
Раскрыл альбом прилежный ученик:
«Вон тот бочок в тени — дадим
штриховку,
А этот на свету — положим блик».
Малыш трудился, не жалея сил,
Штриховку на морковку наносил...
И всё ж явились рядышком
с морковкой
Два зайца, пароход, солдат
с винтовкой.



Читалочка

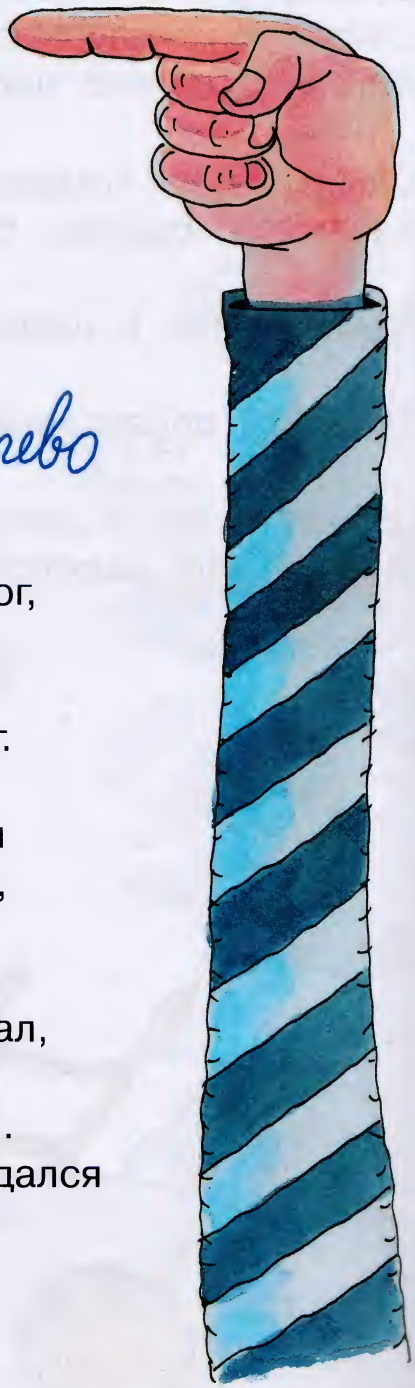
Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, прочитай ещё страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И почитать!

* * *

Шел в школу и мячик на крыше сарая
Заметил. Лежит он, заброшен, забыт.
Возьму его в класс, а потом поиграю.
Сейчас он, голубчик, на землю слетит.
Швырнул в него шапку — и шапка
на крыше,
Сам лезу на крышу... И в ужасе слышу,
Как голос судьбы, беспощадный
звонок.
Домой? Или в школу? И дома
и в школе
Твердить оправданья? Нет-нет!
Нипочём!
Сижу я на крыше с дурацким мячом,
И воля мне кажется хуже неволи.

Первое сентября

Нежарким солнышком согреты,
Леса ещё листвой одеты.
У первоклассников букеты.
День хоть и грустный, но весёлый.
Грустишь ты: — До свиданья, лето!
И радуешься: — Здравствуй, школа!



Где право, где лево

Стоял ученик
На развилке дорог,
Где право,
Где лево,
Узнать он не мог.
Но вдруг ученик
В голове почесал
Той самой рукою,
Которой писал,
И мячик кидал,
И страницы листал,
И ложку держал,
И полы подметал.
«Победа!» — раздался
Ликующий крик:
Где право,
Где лево,
Узнал ученик.

У меня в портфеле

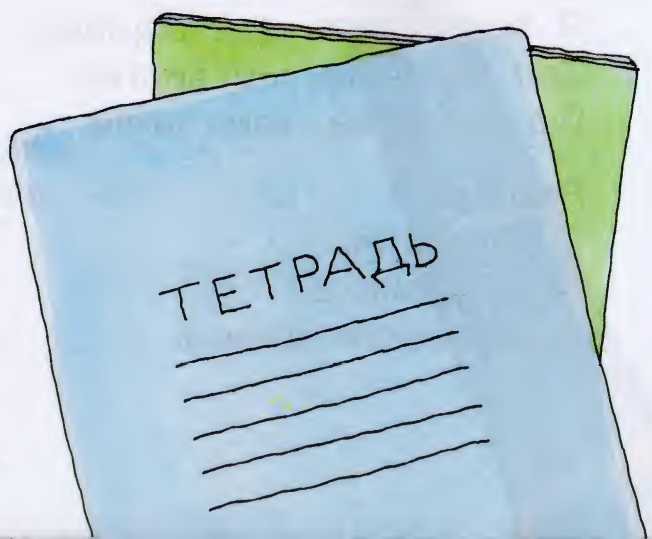
Портфель
Зимой на улице бежит,
А летом в комнате лежит.
Но только осень настаёт,
Меня он за руку берёт.
И снова в дождик и в метель
Со мной шагает мой портфель.

Учебник
— Учитель у меня в портфеле!
— Кто? Быть не может! Неужели?
— Взгляни, пожалуйста! Он тут.
Его учебником зовут.

Тетради
Тетради в портфеле шуршали,
Что в жизни важнее, решали.
Тетрадка в линейку бормочет:
— Грамматика!
А в клетку тетрадка ворчит:
— Математика!
На чём примирились тетрадка с тетрадкой,
Для нас до сих пор остаётся загадкой.

Пенал
Карандаш в пенале мается,
Но зато он не ломается.
Ручка в тесноте находится,
Но зато легко находится.

Линейка
Я — линейка. Прямота —
Главная моя черта.



Треугольник
В старших классах каждый школьник
Изучает треугольник.
Три каких-то уголка,
А работы — на века.

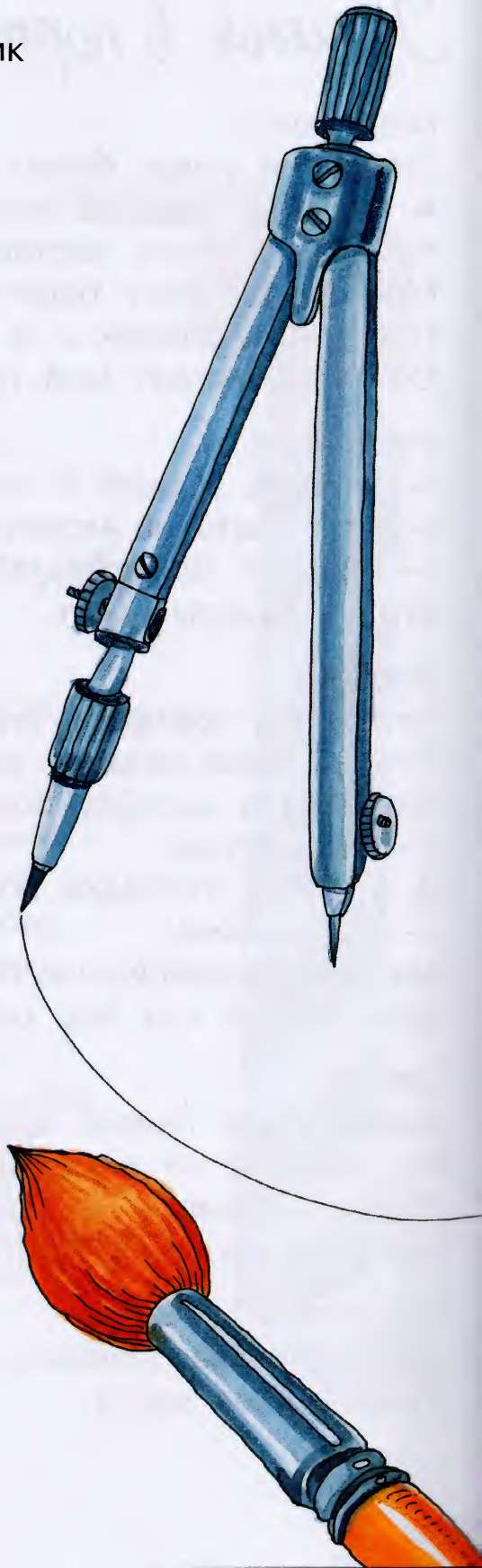
Кисточка
Над бумажным над листом
Машет кисточка хвостом.
И не просто машет,
А бумагу мажет,
Красит в разные цвета.
Ах, какая красота!

Точилка
Почему из-под точилки
Вьются стружки и опилки?
Карандаш писать не хочет,
Вот она его и точит.

Циркуль
Циркуль мой, циркач лихой,
Чертит круг одной ногой,
А другой проткнул бумагу,
Уцепился и ни шагу.

Закладка
Я — нарядная закладка.
Я лежу здесь для порядка.
Зря страницы не листай.
Где закладка, там читай.

Резинка
Я — ластик.
Я — резинка,
Чумазенькая спинка.



Но совесть у меня чиста:
Помарку стёрла я с листа!

Счёты

То считаю втихомолку я,
То опять на счётах щёлкаю.
Если правильно считать,
То всегда получишь «пять»!

Дневник

В дневнике заданья на дом
И стоят отметки рядом —
До чего же хороши!
Ну-ка, мама, подпиши!

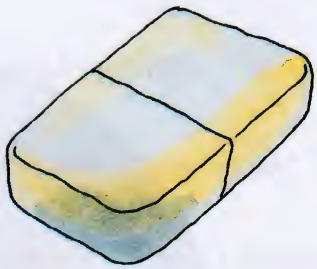
Карандаш

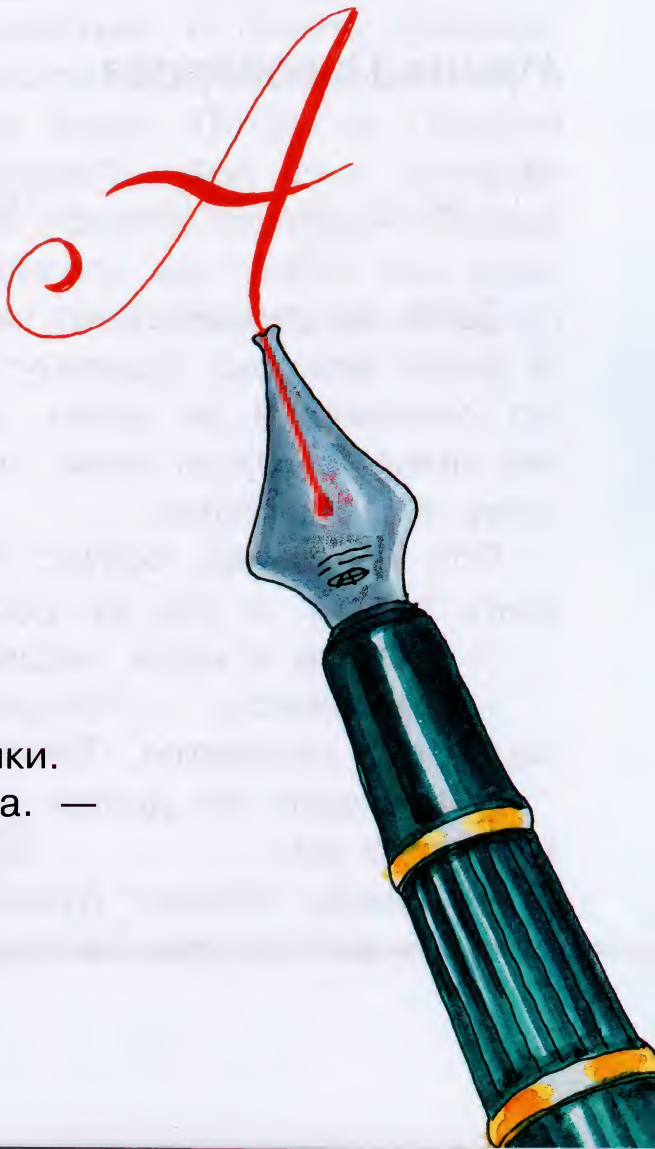
Я — малютка-карандашик.
Исписал я сто бумажек.
А когда я начинал,
То с трудом влезал в пенал.
Школьник пишет.
И растёт!
Ну а я — наоборот!

Ручка

Буквы напечатанные —
Очень аккуратные.
Буквы для письма
Я пишу сама.
Очень весело пишется ручке:

Буквы держат друг друга за ручки.
— Ах, батюшки! — сказала ручка. —
Что значит эта закорючка?
— Чернильная ты голова!
Ты ж написала букву «А».





Ирина Пивоварова

О чём думает моя голова

Если вы думаете, что я учусь хорошо, вы ошибаетесь. Я учусь неважно. Почему-то все считают, что я способная, но ленивая. Я не знаю, способная я или не способная. Но только я точно знаю, что я не ленивая. Я по три часа сижу над задачами.

Вот, например, сейчас я сижу и изо всех сил хочу решить задачу. А она не решается. Я говорю маме:

— Мам, а у меня задачка не получается.

— Не ленись, — говорит мама. — Подумай хорошенько, и всё получится. Только хорошенько подумай!

Она уходит по делам. А я беру голову обеими руками и говорю ей:

— Думай, голова. Думай хорошенько... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Голова, ты почему не ду-

жешь? Ну, голова, ну, думай, пожалуйста! Ну что тебе стоит!

За окном плывёт облачко. Оно лёгонькое, как пух. Вот оно остановилось. Нет, плывёт дальше.

Голова, о чём ты думаешь?! Как тебе не стыдно!!! «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Люська, наверное, тоже вышла. Она уже гуляет. Если бы она подошла ко мне первая, я бы её, конечно, простила. Но разве она подойдёт, такая вредина?!

«...Из пункта А в пункт Б...» Нет, она не подойдёт.

Наоборот, когда я выйду во двор, она возьмёт под руку Лену и будет с ней шептаться. Потом она скажет: «Лен, пошли ко мне, у меня что-то есть». Они уйдут, а потом сядут на подоконник и будут смеяться и грызть семечки.

«...Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» А я что сделаю?.. А я тогда позову Колю, Петьку и Павлика играть в лапту. А она что сделает?.. Ага, она поставит пластинку «Три толстяка». Да так громко, что Коля, Петька и Павлик услышат и побегут просить её, чтобы она дала им послушать. Сто раз слушали, всё им мало! И тогда

Люська закроет окно, и они там все будут слушать пластинку.

«...Из пункта А в пункт... в пункт...» А я тогда возьму и запульну чем-нибудь прямо в её окно. Стекло — дзинь! — и разлетится. Пусть знает.

Так. Я уже устала думать. Думай не думай — задача не получается. Просто ужас какая задачка трудная! Вот погуляю немножко и снова стану думать.

Я закрыла задачник и выглянула в окно. Во дворе гуляла одна Люська. Она прыгала в классики. Я вышла во двор и села на лавочку. Люська на меня даже не посмотрела.

— Серёжка! Витька! — закричала сразу Люська. — Идёмте в лапту играть!

Братья Кармановы выглянули в окно.

— У нас горло, — хрипло сказали оба брата. — Нас не пустят.

— Лена! — закричала Люська. — Лен! Выходи!

Вместо Лены выглянула её бабушка и погрозила Люське пальцем.

— Павлик! — закричала Люська. В окне никто не появился.

— Пе-еть-ка-а! — надсаживалась Люська.

— Девочка, ну что ты орёшь?! — высунулась из форточки чья-то голова. — Больному человеку отдохнуть не дают! Покоя от вас нет! — И голова всунулась обратно в форточку.

Люська украдкой посмотрела на меня и покраснела как рак. Она подёргала себя за косичку. Потом сняла с рукава нитку. Потом посмотрела на дерево и сказала:

— Люсь, давай в классики.

— Давай, — сказала я.

Мы попрыгали в классики, и я пошла домой решать свою задачу.

Только я села за стол, пришла мама:

— Ну, как задачка?

— Не получается.

— Но ведь ты уже два часа над ней сидишь! Это просто ужас что такое! Задают детям какие-то головоломки!..

Ну давай показывай свою задачу! Может, у меня получится? Я всё-таки институт кончала... Так... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Постой, постой, что-то эта задача мне знакома!.. Послушай, да ведь вы её в прошлый раз вместе с папой решили! Я прекрасно помню!

— Как? — удивилась я. — Неужели?.. Ой, правда, ведь это сорок пятая задача, а нам сорок шестую задали.

Тут мама страшно рассердилась.

— Это возмутительно! — сказала мама. — Это неслыханно! Это безобразие! Где твоя голова?! О чём она только думает?!

Сочинение

Однажды нам велели написать в классе сочинение на тему «Я помогаю маме». Я взяла ручку и стала писать:

«Я всегда помогаю маме. Я подметаю пол и мою посуду. Иногда я стираю носовые платки».

Больше я не знала, что писать. Я посмотрела на Люську. Она так и строчила в тетрадке.

Тут я вспомнила, что один раз постирала свои чулки, и написала:

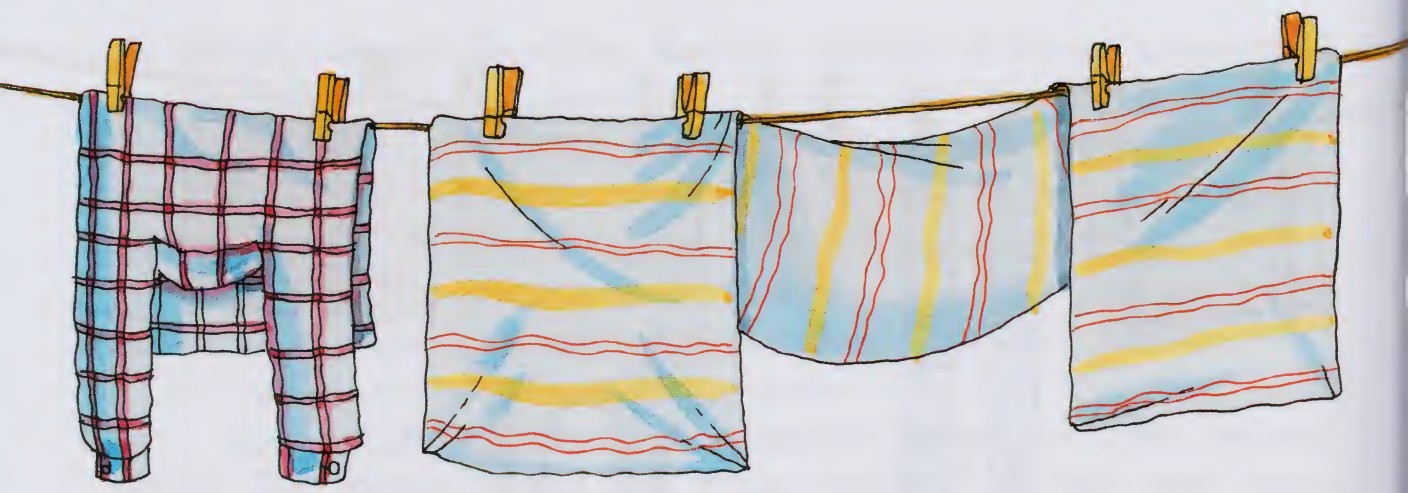
«Ещё я стираю чулки и носки».

Больше я уж совсем не знала, что писать. Но нельзя же сдавать такое короткое сочинение!

Тогда я написала:

«Ещё я стираю майки, рубашки и трусы».

Я посмотрела вокруг. Все писали и писали. Интересно, о чём они пишут? Можно подумать, что они с утра до ночи помогают маме!



А урок всё не кончался. И мне пришлось продолжать: «Ещё я стираю платья, своё и мамино, салфетки и покрывало».

А урок всё не кончался и не кончался.

И я написала:

«А ещё я люблю стирать занавески и скатерти».

И тут наконец зазвенел звонок!

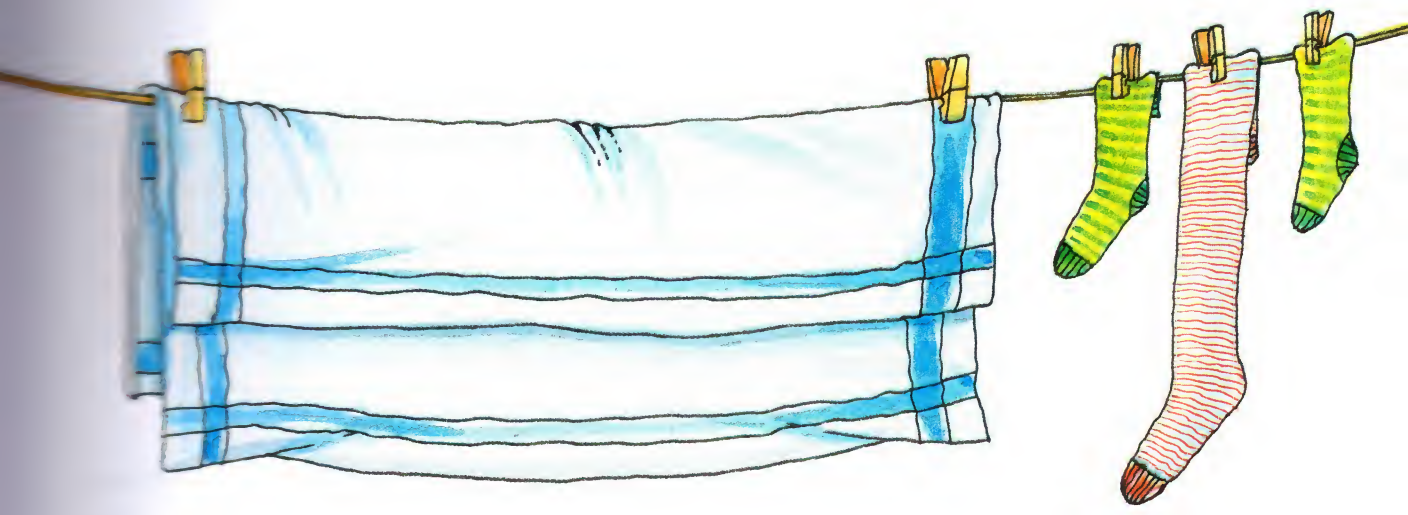
...Мне поставили «пять». Учительница читала моё сочинение вслух. Она сказала, что моё сочинение ей понравилось больше всех. И что она прочтёт его на родительском собрании.

Я очень просила маму не ходить на родительское собрание. Я сказала, что у меня болит горло. Но мама велела папе дать мне горячего молока с мёдом и ушла в школу.

Наутро за завтраком состоялся такой разговор.

М а м а. А ты знаешь, Сёма, оказывается, наша дочь замечательно пишет сочинения!

П а п а. Меня это не удивляет. Сочинять она всегда умела здорово.



М а м а. Нет, в самом деле! Я не шучу! Вера Евстигнеевна её хвалит. Её очень порадовало, что наша дочь любит стирать занавески и скатерти.

П а п а. Что-о?!

М а м а. Правда, Сёма, это прекрасно? — Обращаясь ко мне: — Почему же ты мне раньше никогда в этом не признавалась?

— А я стеснялась, — сказала я. — Я думала, ты мне не разрешишь.

— Ну что ты! — сказала мама. — Не стесняйся, пожалуйста! Сегодня же постирай наши занавески. Вот хорошо, что мне не придётся тащить их в прачечную!

Я вытаращила глаза. Занавески были огромные. Десять раз я могла в них завернуться! Но отступать было поздно.

Я мылила занавески по кусочкам. Пока я намыливала один кусочек, другой совсем размыливался. Я просто измучилась с этими кусочками! Потом я по кусочкам полоскала занавески в ванной. Когда я кончала выжимать один кусочек, в него снова заливалась вода из соседних кусочков.

Потом я залезла на табуретку и стала вешать занавески на верёвку.

Ну, это было хуже всего! Пока я натягивала на верёвку один кусок занавески, другой сваливался на пол. И в конце концов вся занавеска упала на пол, а я упала на неё с табуретки.

Я стала совсем мокрая — хоть выжимай!

Занавеску пришлось снова тащить в ванную. Зато пол на кухне заблестел как новенький.

Целый день из занавесок лилась вода.

Я поставила под занавески все кастрюли и сковородки, какие у нас были. Потом поставила на пол чайник, три бутылки и все чашки с блюдцами. Но вода всё равно заливала кухню.

Как ни странно, мама осталась довольна.

— Ты замечательно выстирала занавески! — сказала мама, расхаживая по кухне в галошах. — Я и не знала, что ты такая способная! Завтра ты будешь стирать скатерть...

«Привет с далёкого Севера!»

— Выделим в словах приставки и суффиксы, — сказала Вера Евстигнеевна. — Приставки будем выделять волнистыми чёрточками, а суффиксы прямыми...

Я сидела и смотрела на доску. Рядом Люська с умным видом писала что-то в тетрадке.

Мне было скучно. Приставки — суффиксы, суффиксы — приставки...

За окном замяукала кошка. Интересно, чего она мяукает? На хвост ей наступили, что ли?..

Приставки — суффиксы, суффиксы — приставки... Скучища!

— Возьмите карандаши и подчёркивайте, — сказала Вера Евстигнеевна.

Я взяла карандаш, поглядела на Люську и, вместо того чтобы подчёркивать, написала на промокашке:

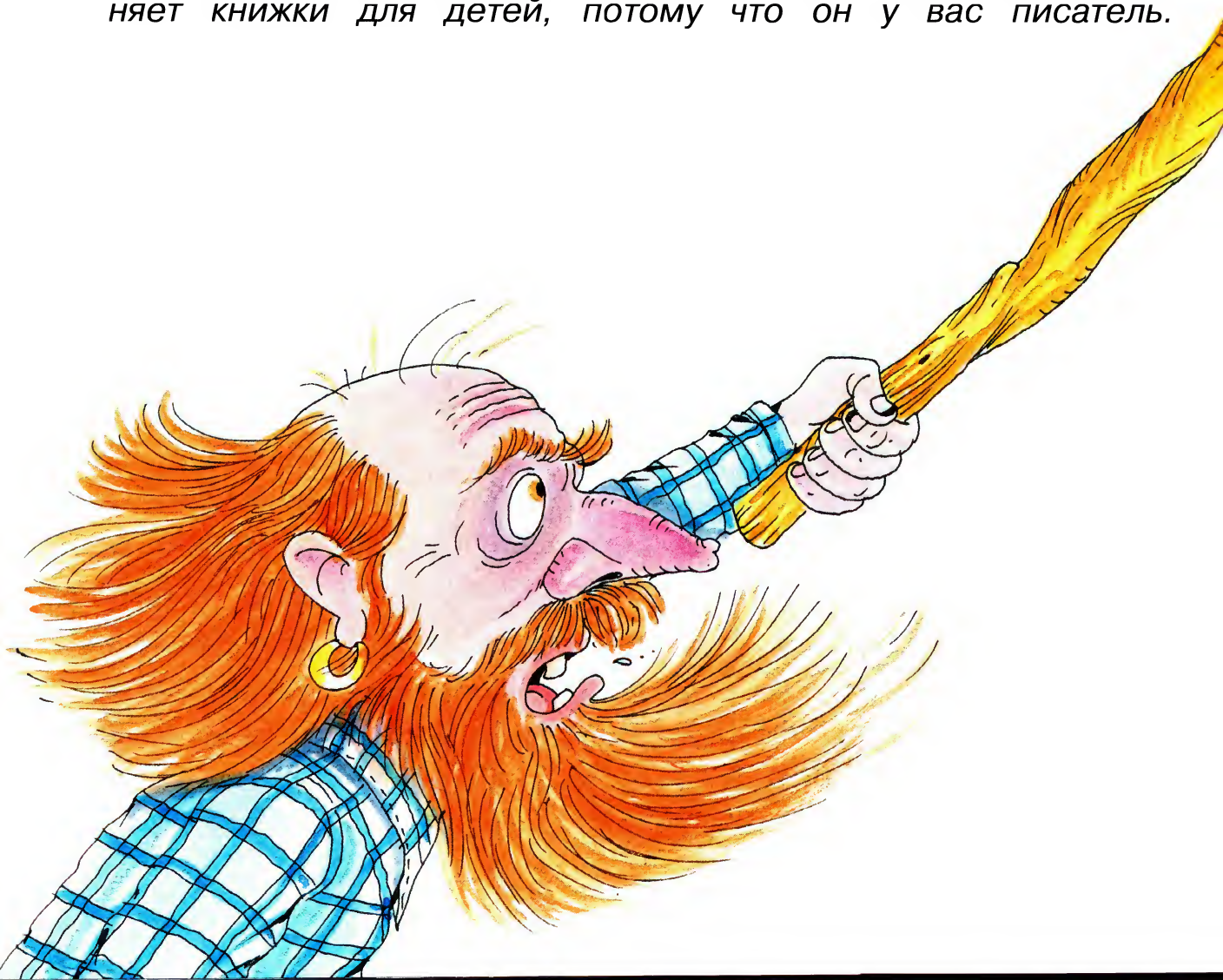
Здравствуйте высокая уважаемая Людмила Ивановна!

Люська старательно выделяла в тетрадке суффиксы и приставки. Делать ей нечего! Я стала писать дальше.

Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга Людмила Семёновна. Привет с далёкого Севера!

Люська покосилась на мою промокашку и снова принялась выделять приставки.

...Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя очень умный и замечательный. Я просто влюбилась в него с первого взгляда! Он у вас такой талантливый, прямо ужас! Он у вас сочиняет книжки для детей, потому что он у вас писатель.



А ваш сын Серёжа — дворник. Потому что он хоть и красивый, а бестолковый. Он плохо учился, и его выгнали из института.

Люська бросила беспокойный взгляд на мою промокашку. Её, видно, тревожило, что я такое там пишу?

...А ваш муж Синдибобер Филимондрович очень злой. Он весь седой, и ходит с длинной бородой, и бьёт вас палкой, и мне вас ничуточки не жалко!

Тут я прыснула, и Люська снова недовольно на меня покосилась.

...А сами вы тоже уже старая тётенька. Вы толстая, как бочка, и худая, как скелет, и у вас спереди одного зуба нет.

Тут я прямо давиться стала от смеха. Люська посмотрела на меня с ненавистью.

...А у нас всё по-прежнему. Мы живём от вас далеко, и по вас не скучаем, и никаких приставок и суффиксов не замечаем. Это всё мура и ерунда, и не хочется нам этого учить никогда!

— Та-а-ак... — услышала я вдруг за спиной и похолодела.

Рядом со мной неизвестно откуда выросла фигура Веры Евстигнеевны!

Я быстро прикрыла промокашку руками.

— Та-а-ак. Весь класс занимается, а Синицына, как всегда, увлечена посторонним делом. Дай-ка сюда то, что ты пишешь! Быстрее, быстрее!

Я уже успела скомкать промокашку, но рука Веры Евстигнеевны повелительно протянулась... Вера Евстигнеевна вынула промокашку из моей вспотевшей ладони и развернула её.

— Интересно, чем это мы занимаемся на уроках?

Учительница разгладила промокашку и, слегка откинув назад голову, стала читать:

— «Здравствуйте высокая уважаемая Людмила Ивановна!..»

Класс насторожился.

— Между прочим, перед обращением ставится запятая, — ледяным голосом сообщила Вера Евстигнеевна. — «...Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга Людмила Семёновна...»

Класс тихо захихикал.

— «Привет с далёкого Севера!» — с невозмутимым лицом произнесла Вера Евстигнеевна.

Класс захохотал. Я не знала, куда провалиться. А Вера Евстигнеевна читала громко и отчётливо:

— «Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя...»

С классом творилось что-то невообразимое.

А учительница читала дальше. К моему ужасу, она не пропускала ни одного слова! Она читала очень спокойно, только всё сильнее и сильнее откидывала назад голову, только брови её ползли выше и выше:

— «...И его выгнали из института. А ваш муж Си... Синди...» Как? Тут что-то непонятное...

— Синдибобер, — тихо сказала я.

С моими ушами творилось что-то страшное. От них всей моей голове было горячо и неприятно.

— Ка-а-ак?!

Класс на секунду замер.

— Синдибобер, — повторила я. — Синдибобер Филимондрович...

И тут класс как будто взорвался. Все захохотали в полный голос. Как сумасшедшие!

Валька Длиннохвостова, которая сидела слева от меня, вся красная как рак, тоненько и пронзительно визжала. Иванов, выпучив глаза и раскрыв рот, катался по парте. А толстый Бураков от смеха прямо повалился с парты, как мешок.

Одна Вера Евстигнеевна не смеялась.

— Встань, Бураков! — приказала она. — Не вижу ничего смешного! И вообще, прекратите шум в классе!

Бураков сейчас же вскочил. Хохот смолк, как по команде. В полной тишине учительница дочитала мою промокашку.

Теперь все ждали, что будет дальше. Одна Длиннохвостова всё ещё давилась смехом за соседней партой.

— Ну что же, — сказала учительница. — Теперь мне всё ясно. Я всегда подозревала, Синицына, что для тебя приставки и суффиксы «мура и ерунда». И не только приставки и суффиксы!

Класс снова насторожился. Сима Коростылёва с открытым ртом слушала каждое слово Веры Евстигнеевны и переводила взгляд с меня на неё и обратно.

— Выходит, я была права... Ну что же... Раз это так, раз учёба для тебя, по твоему собственному выражению, «мура и ерунда», придётся поступить с тобой, как с тем Серёжей, которого за плохую успеваемость выгнали из института, и освободить тебя от занятий в школе!

Общий вздох, похожий на вздох ужаса, пронёсся по классу. Дело принимало серьёзный оборот...

— Да, Синицына, я допустила ошибку. Я полагала, что ты стала учиться хуже потому, что тебе трудно, потому, что ты много болела и пропустила, а что же оказывается?.. Оказывается, тебе просто «не хочется этого учить никогда»! Встань, когда с тобой разговаривает учитель!

Я стояла перед Верой Евстигнеевной. Слёзы падали у меня из глаз и тихо стукались о чёрную крышку парты.

— Что же ты молчишь? И зачем ты плачешь? — сказала Вера Евстигнеевна. — Не хочешь учиться, забирай портфель и уходи. По крайней мере, не будешь отвлекать от занятий тех, кто учиться хочет. В частности, свою

подругу, с которой ты могла бы брать пример! Ты свободна. Иди, Синицына.

В классе стояла гробовая тишина. Такая, что отчётливо слышалось шлёпанье моих слёз о мокрую парту.

— Вера Евстигнеевна, я больше не буду, — прошептала я. — Можно мне остаться?

— Нет, — твёрдо сказала Вера Евстигнеевна. — Передай своим родителям, пусть завтра придут в школу.

— А я?..

— А ты можешь не приходить.

Я собирала портфель. Руки мои дрожали. Люська смотрела на меня вытаращенными от ужаса глазами.

— Это можешь оставить себе, — сказала Вера Евстигнеевна.

Я сунула злополучную промокашку в портфель и медленно поплелась к дверям.

Все провожали меня глазами. Все сидели и молчали.

Больше они меня никогда не увидят. Представляю, как они радуются: «Мало ей! Так ей и надо!»

Все, все радуются. Никому до меня нет никакого дела. Ни Иванову! Ни Длиннохвостовой! Ни Люське! Ни даже Коле Лыкову!

Вон они все сидят и молчат. И завтра даже не вспомнят меня! Даже не вспомнят!

Я взялась за ручку двери и медленно потянула её на себя...

И вдруг за моей спиной в полной тишине грохнула крышка парты, и с места вскочил Коля Лыков. Лицо у него было красное.

— Вера Евстигнеевна! — заикаясь, крикнул он. — Разрешите, пожалуйста, Синицыной остаться! Она не будет б-б-больше писать на уроках писем! Ч-ч-честное слово, не будет!

— Вера Евстигнеевна, она правда больше не будет! — послышался писклявый голос с последней парты, и я увидела, как над партой в дальнем углу класса повисла тощая фигура Ирки Мухиной, жуткой вредины и воображалы. — Она не нарочно! Это она по глупости написала, Вера Евстигнеевна!

— Конечно, по глупости! — подхватила Сима Коростылёва. — Вера Евстигнеевна, по глупости! Честное слово!

— Да дура она, чего там говорить! — закричал Иванов. — Только не надо её выгонять! Она хоть и дура, а не надо!

— Не надо! Не надо! — закричали все. — Не надо её выгонять!

Я стояла около двери. Я не знала, что мне делать. Они кричали со всех сторон. Они не хотели, чтобы меня выгоняли! И моя Люська, моя вредная Люська, кричала громче всех:

— Вера Евстигнеевна, она больше не будет! Простите её, пожалуйста! Простите её! Простите!

Вера Евстигнеевна с каким-то удивлением глядела на класс. Она переводила взгляд с Иванова на Длиннохвостову, с Длиннохвостовой на Коростылёву, с Коростылёвой на Колю Лыкова, и на лице её проступало странное выражение. Как будто ей хотелось улыбнуться, но она изо всей силы сдерживалась, и делала строгое лицо, и хмурила брови...

— Вот оно что! — медленно сказала она. — Значит, вы не хотите, чтобы я Синицыну выгоняла?

— Не хотим! Не хотим! — закричали все.

И даже ленивый Бураков разжал толстые губы и басом произнёс:

— Не хотим!

— Ну, а как же нежелание Синицыной учиться?

— Это она пошутила! Это она просто так!

— «Просто так»? — нахмурилась Вера Евстигнеевна.

И тут снова вперёд выступил Коля Лыков.

— Вера Евстигнеевна, — сказал он, — Синицына действительно учится неважно. Но обещаю вам как звеньевой, я сделаю всё, чтобы она стала учиться хорошо!

— Ах, так?.. Ты это обещаешь, Коля?..

Вера Евстигнеевна на секунду задумалась.

— Ну что же... Если ты мне это обещаешь... И потом, я не могу не считаться с мнением класса. Ладно, Синицына. Садись на своё место. Но смотри, Коля Лыков за тебя поручился. Не подведи своего товарища!

И я пошла обратно.

Я весь урок слушала учительницу. Я прямо глаз с неё не сводила. Приставки и суффиксы я подчёркивала так, что чуть не продавила насквозь тетрадь.

И вот прозвенел звонок.

Вера Евстигнеевна собрала тетрадки, взяла классный журнал и пошла в учительскую.

И тут весь класс окружил меня плотной стеной.

— Ну, Синицына, ты дала! — сказал Иванов. — Как там у тебя про Костю?

— «Ваш Костя умный и замечательный», — сказала Сима Коростылёва.

— «И я в него влюбилась», — захихикала Валька Длинношвостова. — Ой, не могу! Не могу! Синицына, ну и дура же ты!

— А как про Серёжу-дворника? Его из института выгнали, да? Здорово! Люська, а откуда ты всё это взяла? В книжке прочла?

— А этот-то... как его... Синдибобер Филимондрович? Злой, с седой бородой, дерётся палкой... Ой, не могу! Умора!

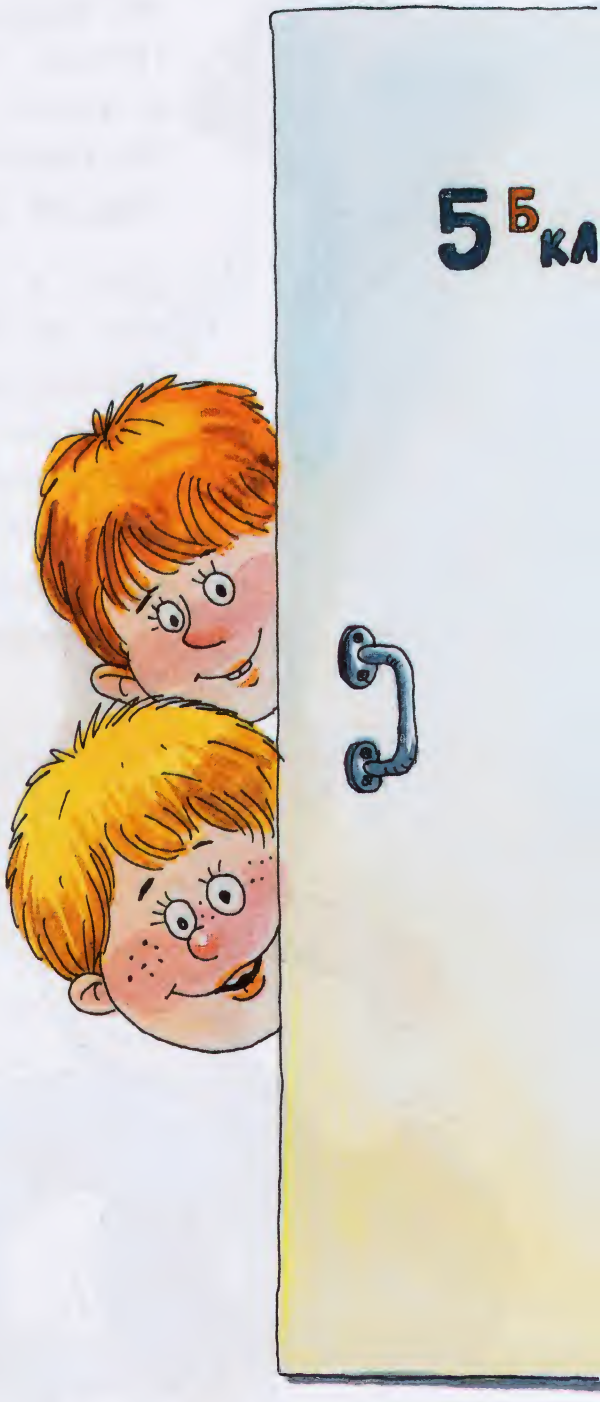
— А про Косицыну-то как! Про Косицыну! Что она худая, как скелет, и у неё зуба спереди нет! Люська, а ну-ка открой рот!

— Ну и глупо! — сказала Люська. — И ничего смешного нет. Тоже мне, подруга называется! Да у неё, может, двух зубов не хватает. Это ещё не значит, что я об этом всему классу должна докладывать!

Борис Заходер

Познакомимся

— Вам знакомы
Вова с Петей?
Не знакомы?
Вот так раз!
Нас же знают все на свете,
Знает нас
Весь пятый класс!
— Скажешь тоже — пятый класс!
В школе каждый знает нас:
Пишут в школьной стенгазете,
Говорят на педсовете —
Всё о нас,
О нас,
О нас!..
Мы могли бы загордиться,
Но гордиться
Не годится!
Лучше просто,
Без прикрас,
О себе начнём рассказ.
Познакомьтесь ближе с нами,
А тогда
Судите сами!
— Я беру сначала слово,
Ладно, Петя?
— Ладно, Вова!



Мы — друзья

С виду мы
Не очень схожи:
Петька толстый,
Я худой,
Не похожи мы, а всё же
Нас не разольёшь водой!

Дело в том,
Что он и я —
Закадычные друзья!
Всё мы делаем вдвоём.
Даже вместе...
Отстаём!

Дружба дружбою,
Однако
И у нас случилась драка.
Был, конечно, важный повод.
Очень важный повод был!
Помнишь, Петя?
— Что-то, Вова,
Позабыл!
— И я забыл... Ну, не важно!
Дрались честно,
Как положено друзьям:
— Я как стукну!
— Я как тресну!
— Он как даст!
— А я как дам!..

Скоро в ход пошли портфели.
Книжки в воздух полетели.
Словом, скромничать не буду —
Драка вышла хоть куда!
Только смотрим — что за чудо?
С нас ручьём бежит вода!
Это Вовкина сестра
Облила нас из ведра!

С нас вода ручьями льётся,
А она ещё смеётся:
— Вы действительно друзья!
Вас водой разлить нельзя!

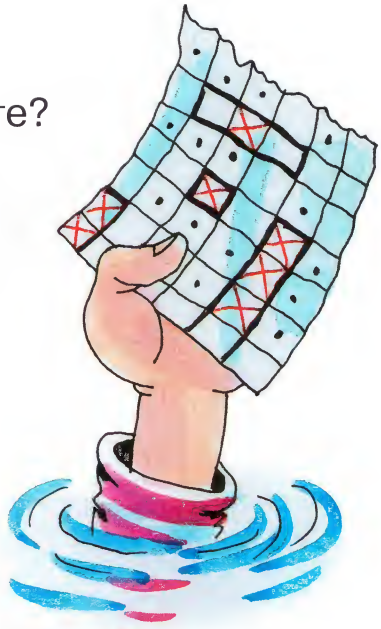
Перемена

«Перемена, перемена!» —
Заливается звонок.
Первым Вова непременно
Вылетает за порог.
Вылетает за порог —
Семерых сбивает с ног.
Неужели это Вова,
Продремавший весь урок?
Неужели этот Вова
Пять минут назад ни слова
У доски сказать не мог?
Если он, то, несомненно,
С ним бо-о-льшая перемена!
Не угонишься за Вовой!
Он гляди какой бедовый!
Он за пять минут успел
Переделать кучу дел:
Он поставил три подножки
(Ваське, Кольке и Серёжке),
Прокатился кувырком,
На перила сел верхом,
Лихо шлёпнулся с перил,
Подзатыльник получил,
С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи,
Словом,
Сделал всё, что мог!
Ну, а тут — опять звонок...
Вова в класс плетётся снова.
Бедный! Нет лица на нём!
— Ничего, — вздыхает Вова, —
На уроке отдохнём!

Морской бой

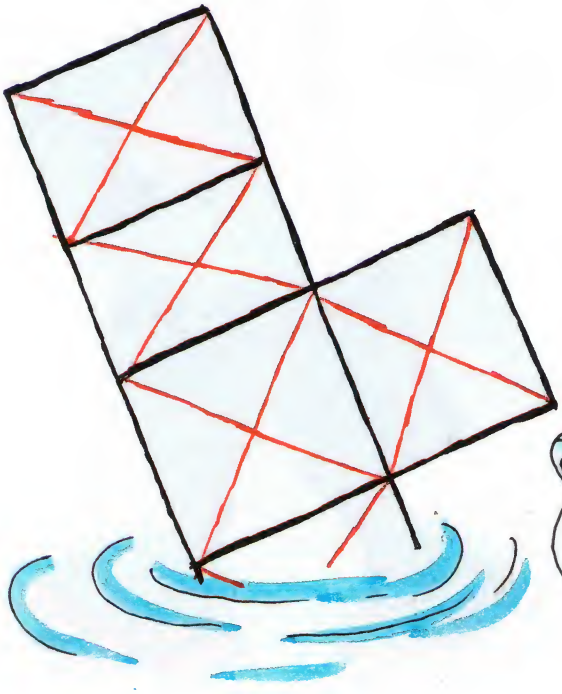
Е-1

Что за шум на задней парте?
Ничего нельзя понять!
Кто-то там шипит в азарте:
— Е-один!
— А-шесть.
— К-пять!



А-1

Это снова Вова с Петей
Позабыли всё на свете:
На уроках день-деньской
Бой идёт у них морской!
Бьются два военных флота
На листочках из блокнота.
Вова с Петей не пираты,
Не берут на абордаж,
А наводят на квадраты
Дальнобойный Карандаш!



К-5

И противника догонят
Залпы меткие везде!

Вот линейный крейсер тонет
В разлинованной воде,
Вот уже близка победа:
Миноносцы бьют в упор...
Ну, ещё одна торпеда —
И на дно пойдёт линкор!

Но внезапно всё пропало:
Море, волны, корабли...
Прогремело
Громче шквала:
— Курс на доску, адмиралы!

Адмиралы — на мели...

— Петька, друг, спасай — тону!
— Я и сам иду ко дну!..

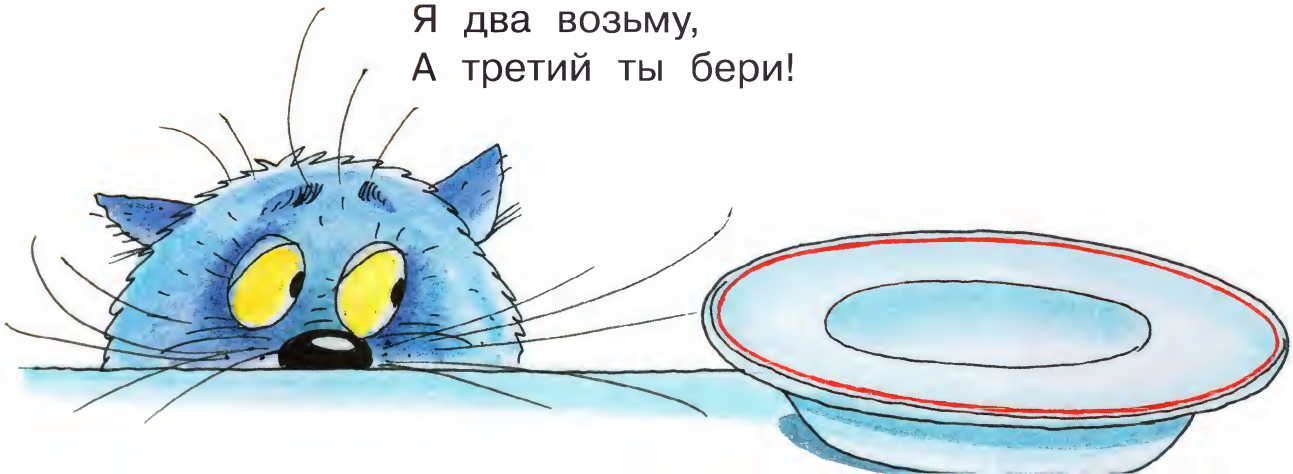
Часто терпит пораженье
Самый храбрый адмирал,
Если место для сраженья
Неудачно он избрал!

Два и три

Пошёл Серёжа в первый класс.
С Серёжкой не шути!
Считать
Умеет он у нас
Почти
До десяти!
Не грех такому мудрецу
Задрать курносый нос!
Вот как-то за столом отцу
И задал он вопрос:

— Два пирожка тут, папа, да?
А хочешь — на пари! —
Я доказать могу всегда,
Что их не два, а три!

Считаем вместе:
Вот ОДИН.
А вот и ДВА, смотри!
ОДИН да ДВА, — закончил сын, —
Как раз и будет ТРИ!
— Вот молодец! — сказал отец. —
И в самом деле три!
И потому
Я два возьму,
А третий ты бери!



Леонид Каминский

Для чего ходят в школу

Когда первоклассники уселись за парты, учительница спросила:

— Кто знает, зачем нужно ходить в школу?

Витя поднял руку и сказал:

— Чтобы научиться читать.

Наташа сказала:

— Чтобы научиться писать.

Юра сказал:

— Чтобы научиться считать.

— Молодцы, все ответили правильно, — похвалила ребят учительница.

Тут Маша встала, взяла портфель и пошла к двери.

— Ты куда? — удивилась учительница.

— А мне не нужно ходить в школу. Я уже умею читать, писать и считать.

— Это хорошо, — сказала учительница. — Но мне кажется, что ты ещё не всё знаешь и не всё умеешь. Например, сколько будет, если двадцать пять помножить на пять? Как по-английски будет «кошка»? Где живут пингвины?

— А разве всё это узнают в школе? — спросила Маша.

— Конечно. И почему листья зелёные, и почему светятся звёзды, и многое другое. Ну, как, остаёшься?

— Остаюсь, — сказала Маша и села за парту.

В кабинете директора

— А, это ты, Брюквин? Входи, входи, давно тебя дожидаюсь. Видишь, какая тебе честь: сам директор школы отложил свои дела, чтобы с тобой побеседовать!

— Я больше не буду...

— Ага, знает кошка, чьё мясо съела! Значит, предчувствуешь, о чём пойдёт разговор?

— Я больше не буду...

— Это мы уже слышали. Вот передо мной целый список твоих приключений. Просто какой-то мифологический герой! Двенадцать подвигов Геракла!

— Я больше не буду...

— Начнём с первого апреля. В этот день тебя не было в школе. Так думали учителя. А на самом деле ты все уроки просидел в «Живом уголке», изображая из себя шимпанзе!

— Я больше не буду...

— Четвёртого апреля, в понедельник, на уроке физкультуры ты забросил в баскетбольную корзину рюкзак ученицы Ани Карнауховой, который упал на голову физруку Эдуарду Николаевичу!..

— Я больше не буду...

— Шестого апреля на уроке истории ты сделал сенсационное открытие: оказывается, декабристы получили своё название из-за того, что они все родились в декабре и на Сенатской площади праздновали свой общий день рождения!

— Я больше не буду...

— Одиннадцатого апреля во время перемены ты демонстрировал приёмы карате, в результате чего пробил ногой перегородку и влетел в учительскую!..

— Я больше не буду...

— Во вторник, двенадцатого апреля, ты забрался в кабинет химии и пытался растворить в азотной кислоте свой дневник, но, к счастью, не нашлось подходящей посуды...

— Я больше не буду...

— Через неделю, девятнадцатого числа, учительница русского языка попросила тебя на доске написать сегодняшнее

число. И ты, не задумываясь, написал: «Сигодне фторнек, дивитнадцатое опреля», чем вызвал сердечный приступ у Людмилы Аркадьевны.

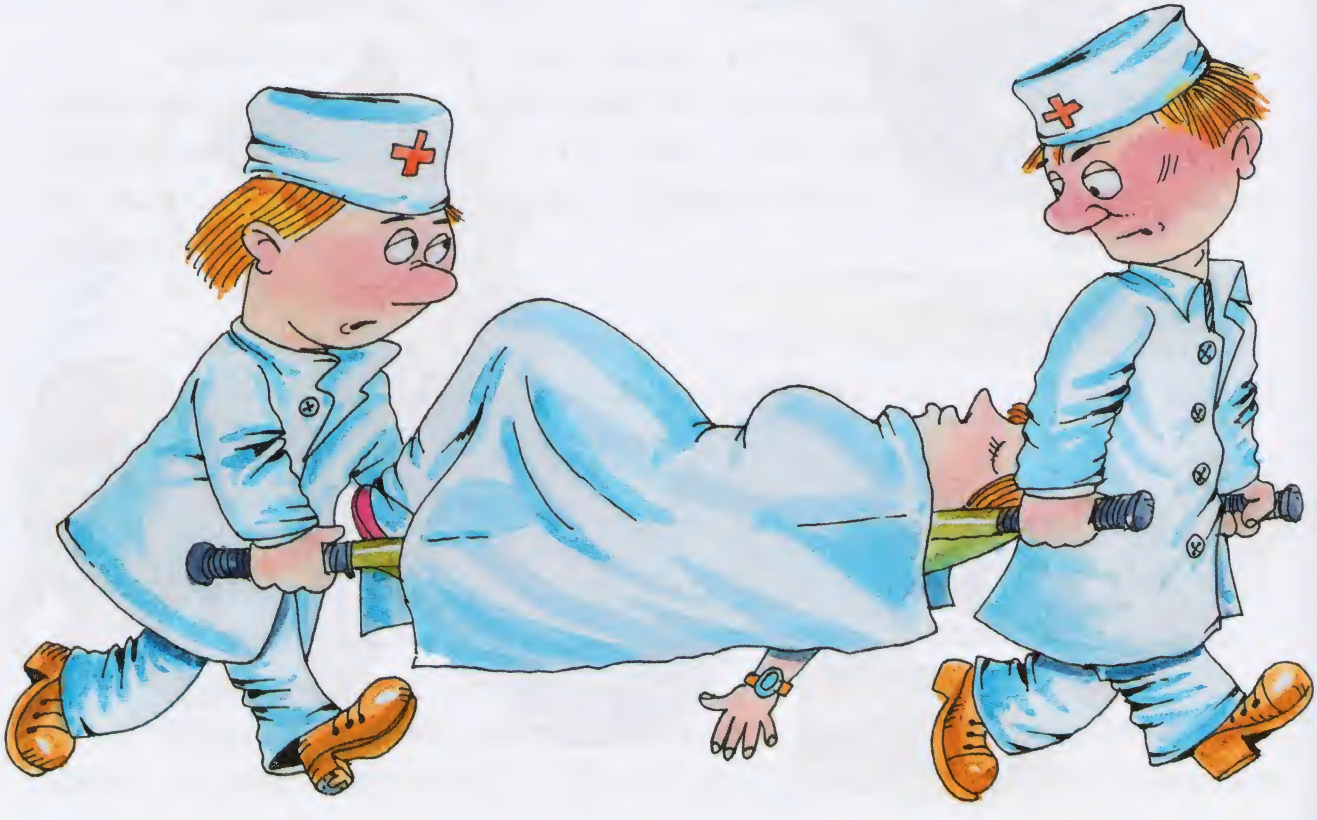
— Я больше не буду...

— Вчера на уроке литературы ты получил сразу две двойки. Одну за то, что подсказывал, а вторую за то, что подсказывал неправильно: по-твоему, выходит, что Муму — это кличка коровы, которая утопилась, не выдержав гнёта царского самодержавия!

— Я больше не буду...

— Ну что мне с тобой делать, Брюквин?! А ведь при желании ты можешь хорошо учиться. Вот, например, в прошлом месяце ты получил вполне заслуженную пятёрку по математике!

— Я больше не буду...

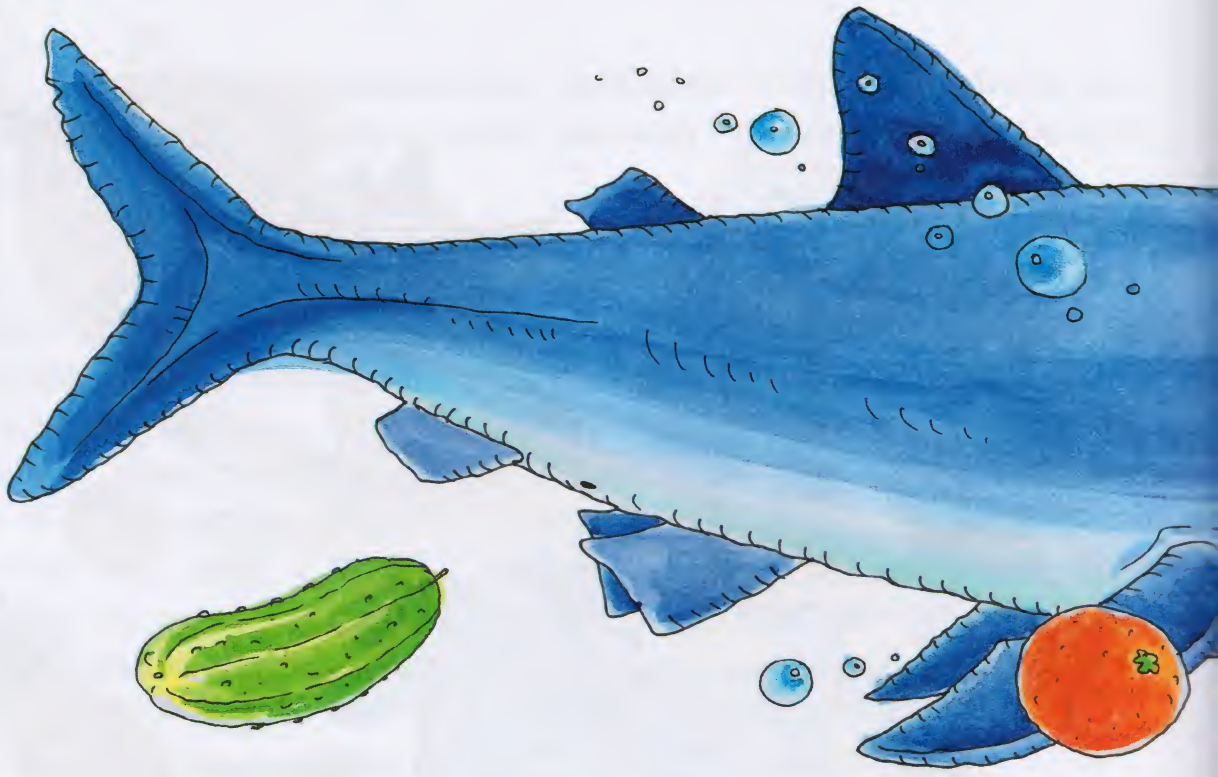


Работа над ошибками

Людмила Аркадьевна вошла в класс, вынула из портфеля стопку тетрадей и шумно вздохнула.

— К сожалению, господа грамотеи, ничем не могу вас порадовать. Всего одна четвёрка — у Карнауховой. У остальных — не выше троечки. Когда я проверяла ваши сочинения, мне вспомнились слова поэта: «Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил...» А у вас — сплошная лень и уныние! Брюквин, перестань хихикать! Иди-ка лучше к доске, посмеёмся вместе.

Витя нехотя встал, пробурчал дежурную фразу «А что я такого сделал?» и поплёлся к доске.



— Итак, — сказала учительница, — начнём всё сначала. С буквы «А». Придумай-ка нам, Брюквин, несколько слов на букву «А» и составь из них пару предложений. Тебе понятно задание?

— Ага, — ответил Брюквин, почесал в затылке и заскрипел мелом. На доске появилось:

«У Андрея Артамонова в аквариуме абитает агромная акула. Ана питается апельсинами, агурцами и абажурами».

Класс весело зашумел. Людмила Аркадьевна постучала карандашом по столу.

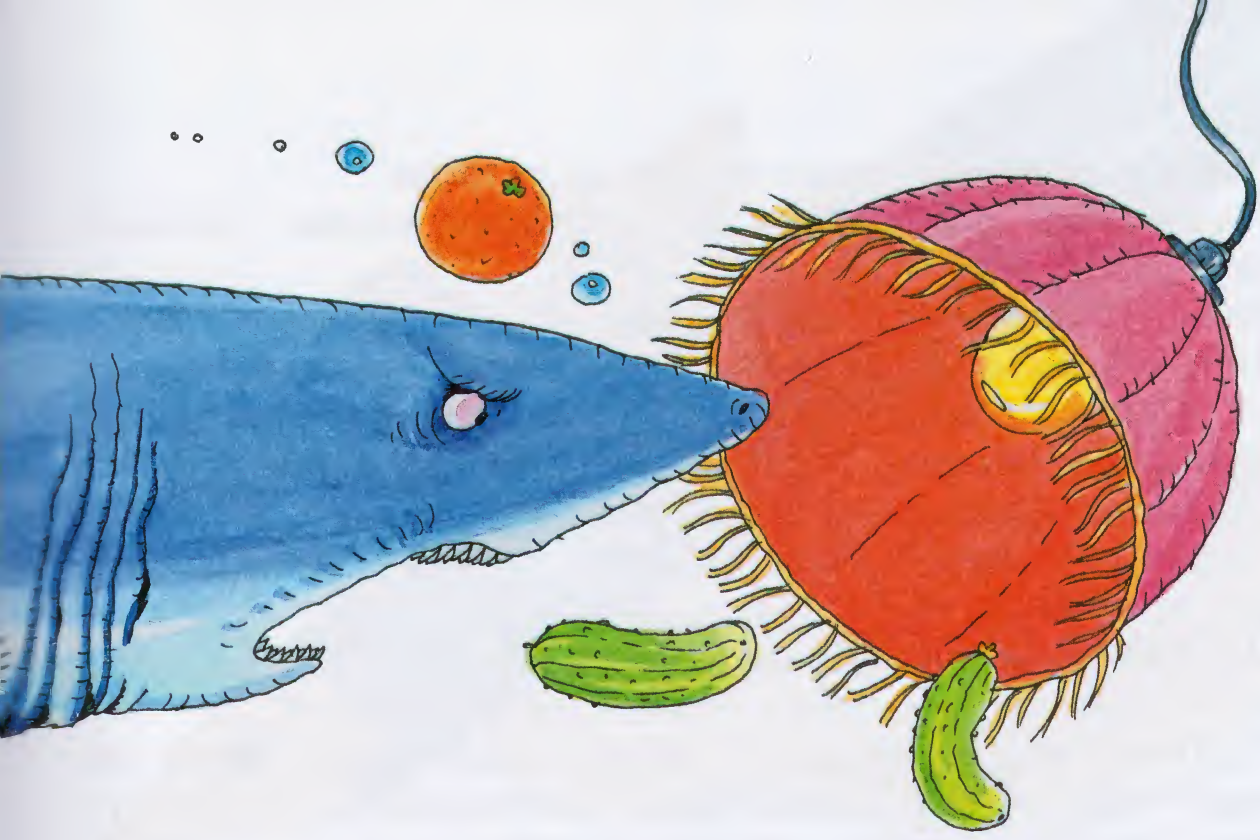
— Всё! Посмеялись, и хватит! Я тоже оценила юмор Вити Брюквина. А теперь давайте поможем ему разобраться с ошибками. Кто желает высказаться?

Игорь Лепихин поднял руку и сказал:

— Он ошибся: акула не может жить в аквариуме!

Настя подняла руку и сказала:

— Акула не питается абажурами!



Потом встал Андрей Артамонов и обиженно сказал:

— Он всё наврал: нет у меня никакой акулы. У меня собака. Овчарка.

Брюквин тут же отреагировал на слова Андрея — он стёр тряпкой акулу и заменил её овчаркой:

«У Андрея Артамонова в аквариуме абитает агромная авчарка. Ана питается апельсинами, агурцами и абажурами».

— Так, — сказала Людмила Аркадьевна, — час от часу не легче. Лепихин, опусти руку, мы и без тебя знаем, что овчарка не может жить в аквариуме! Настя, и ты опусти руку, я согласна с тобой — собаки не питаются абажурами. Артамонов, ты тоже опусти руку! Ты хочешь сообщить, что у тебя нет никакого аквариума? Ладно, не будем придираться к Брюквину — он имеет право на авторский вымысел. Но неужели никто из вас не видит орфографических ошибок?

Тогда Карнаухова подняла руку и сказала:

— Брюквин ошибся: он в некоторых словах написал букву «А», а надо «О».

Витя моментально отреагировал — при помощи тряпки и мела он заменил «А» на «О». У него получилось:

«У Ондрея Ортомонова в оквариуме обитает огромная овчарка. Она питается опельсинами, огурцами и обожурами».

Людмила Аркадьевна схватилась за сердце.

— Всё. У меня больше нет сил. Садись, Брюквин. Что тебе, Артамонов?

Артамонов встал и сказал обиженно:

— А чего он моё имя и фамилию исковеркал?

— По-моему, — возразила учительница, — досталось не только тебе, а ещё «оквариуму», «опельсинам» и «обожурам»... Иди-ка к доске, исправь ошибки.

Андрей подошёл к доске, всё стёр и написал: «У Андрея Артамонова есть только одна овчарка. А акула и аквариум атсутствуют!»

— Ну, как, — спросил он, — теперь всё правильно?

— Почти, — сказала Людмила Аркадьевна и потянулась к сумочке за валидолом.

Виктор Драгунский

Надо иметь чувство юмора

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуров, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

— Написал?

Я говорю:

— Уже.

— Ты мою тетрадку проверь, — говорит Мишка, — а я — твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

— Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

— Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

— А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие — «мозы»?

Мишка покраснел:

— Мозы — это, наверно, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

— Да, — сказал я, — не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

— Давай задачи задавать!

— Давай, — сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

— Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

— Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

— Сдаёшься, Мишка?

Мишка сказал:

— Сдаюсь!

Я сказал:

— Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. — И стал хохотать: — Это меня тётя Мила научила!..

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

— А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

— Давай задавай, — сказал я.

Папа походил по комнате.

— Ну, слушай, — сказал он. — Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встаёт в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама.

Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько он потягивается плюс умывается минус мамино вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во всё горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

— Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», — и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

— Ах ты, вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил на место и сказал дальше:

— Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

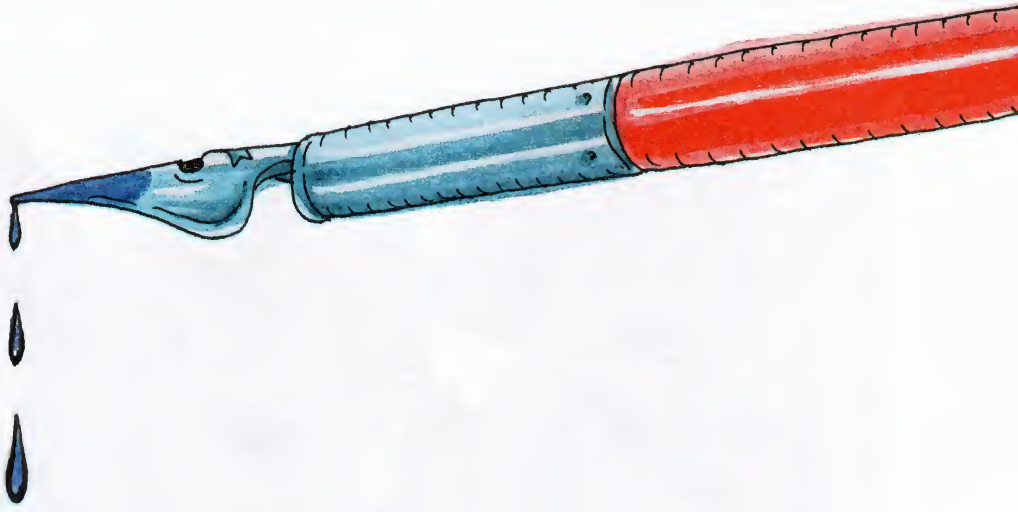
И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки. Потом ещё раз поглядел на меня пристально и улыбнулся.

— Надо иметь чувство юмора, — сказал он мне, и глаза у него стали весёлые-весёлые. — А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.



Слава Ивана Козловского

У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают. Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла». Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займёмся с каждым инди-виду-ально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пищал Мишка! Так пищит наш котёнок Мурзик. Разве ж так поют! Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятёрку и поглядел на меня.

Он сказал:

— Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

— Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Песня Гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич заиграл, но я его сразу остановил:

— Играйте, пожалуйста, погромче! — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном
Вьётся алый стяг...

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,
Где виден враг!
И в битве упоительной...

Я хорошо орал, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиною стремительной!
Мы мчимся вперёд!.. Ура!..
Красные всегда побеждают!
Отступайте, враги! Даёшь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезалися в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно! — похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая, — сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, — сказал я, — можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту, — сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому?

— Нет, — сказал я, — я этого не заметил! Да это и неважно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как — тройку?! Я даже опешил. Как же это может быть? Тройку — это очень мало! Мишка тихо пел и то получил пятёрку... Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню. Когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же? — спросил Борис Сергеевич.

— Жалостливая, — сказал я и завёл:

Я вас любил...
Любовь ещё, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну, хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну, — сказал он, улыбаясь, — возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или какой-нибудь боксёр, но в одном могу заверить вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

— Ну, это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал:

«Неужели Козловский поёт громче меня?»

«Тиха украинская ночь...»

Наша преподавательница литературы Раиса Ивановна заболела. И вместо неё к нам пришла Елизавета Николаевна. Вообще-то Елизавета Николаевна занимается с нами географией и естествознанием, но сегодня был исключительный случай, и наш директор упросил её заменить захворавшую Раису Ивановну.

Вот Елизавета Николаевна пришла. Мы поздоровались с нею, и она уселась за учительский столик. Она, значит, уселась, а мы с Мишкой стали продолжать наше сражение — у нас теперь в моде военно-морская игра. К самому приходу Елизаветы Николаевны перевес в этом матче определился в мою пользу: я уже протаранил Мишкиного эсминца и вывел из строя три его подводные лодки. Теперь мне осталось только разведать, куда задевался его

линкор. Я пошевелил мозгами и уже открыл было рот, чтобы сообщить Мишке свой ход, но Елизавета Николаевна в это время заглянула в журнал и произнесла:

— Кораблёв!

Мишка тотчас прошептал:

— Прямое попадание!

Я встал.

Елизавета Николаевна сказала:

— Иди к доске!

Мишка снова прошептал:

— Прощай, дорогой товарищ!

И сделал «надгробное» лицо.

А я пошёл к доске. Елизавета Николаевна сказала:

— Дениска, стой ровнее! И расскажи-ка мне, что вы сейчас проходите по литературе.

— Мы «Полтаву» проходим, Елизавета Николаевна, — сказал я.

— Назови автора, — сказала она; видно было, что она тревожится, знаю ли я.

— Пушкин, Пушкин, — сказал я успокоительно.

— Так, — сказала она, — великий Пушкин, Александр Сергеевич, автор замечательной поэмы «Полтава». Верно.

Ну, скажи-ка, а ты какой-нибудь отрывок из этой поэмы выучил?

— Конечно, — сказал я.

— Какой же ты выучил? — спросила Елизавета Николаевна.

— «Тиха украинская ночь...»

— Прекрасно, — сказала Елизавета Николаевна и прямо расцвела от удовольствия. — «Тиха украинская ночь...» — это как раз одно из моих любимых мест! Читай, Кораблёв.

Одно из её любимых мест! Вот это здорово! Да ведь это и моё любимое место! Я его, ещё когда маленький был, выучил. И с тех пор, когда я читаю эти стихи, всё равно, вслух или про себя, мне всякий раз почему-то кажется, что хотя я сейчас и читаю их, но это кто-то другой читает, не я, а настоящий-то я стою на тёплом, нагретом за день деревянном крылечке, в одной рубашке и босиком, и почти сплю, и клюю носом, и шатаюсь, но всё-таки вижу всю эту удивительную красоту, и спящий маленький городок с его серебряными тополями, и вижу белую церковку, как она тоже спит и плывёт на кудрявом облачке передо мною, а наверху звёзды, они стрекочут и насвистывают, как кузнечики, а где-то у моих ног спит и перебирает лапками во сне толстый, налитой молоком щенок, которого нет в этих стихах. Но я хочу, чтобы он был, а рядом на крылечке сидит и вздыхает мой дедушка с лёгкими волосами, его тоже нет в этих стихах, я его никогда не видел, он погиб на войне, его нет на свете, но я его так люблю, что у меня теснит сердце...

— Читай, Денис, что же ты! — повысила голос Елизавета Николаевна.

И я встал поудобней и начал читать. И опять сквозь меня прошли эти странные чувства. Я старался только, чтобы голос у меня не дрожал.

...Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...

— Стоп, стоп, довольно! — перебила меня Елизавета Николаевна. — Да, велик Пушкин, огромен! Ну-ка, Кораблёв, теперь скажи-ка мне, что ты понял из этих стихов?

Эх, зачем она меня перебила! Ведь стихи были ещё здесь, во мне, а она остановила меня на полном ходу. Я ещё не опомнился! Поэтому я притворился, что не понял вопроса, и сказал:

— Что? Кто? Я?

— Да, ты. Ну-ка, что ты понял?

— Всё, — сказал я. — Я понял всё. Луна. Церковь. Тополя. Все спят.

— Ну... — недовольно протянула Елизавета Николаевна, — это ты немножко поверхностно понял... Надо глубже понимать. Не маленький. Ведь это Пушкин...

— А как, — спросил я, — как надо Пушкина понимать? — И я сделал недотёпанное лицо.

— Ну, давай по фразам, — с досадой сказала она. — Раз уж ты такой. «Тиха украинская ночь...» Как ты это понял?

— Я понял, что тихая ночь.

— Нет, — сказала Елизавета Николаевна. — Пойми же ты, что в словах: «Тиха украинская ночь» удивительно тонко подмечено, что Украина находится в стороне от центра перемещения континентальных масс воздуха. Вот что тебе

ПЕРИСТЫЕ
ТЁПЛЫЙ ВОЗДУХ
ФРОНТ
ХОЛОДНЫЙ ВОЗДУХ
СЕВЕР

нужно понимать и знать, Кораблёв! Договорились? Читай дальше!

— Прозрачно небо, — сказал я, — небо, значит, прозрачное. Ясное. Прозрачно небо. Так и написано: «Небо прозрачно».

— Эх, Кораблёв, Кораблёв, — грустно и как-то безнадёжно сказала Елизавета Николаевна. — Ну что ты, как попка, затвердил: «Прозрачно небо, прозрачно небо». Заладил. А ведь в этих двух словах скрыто огромное содержание. В этих двух, как бы ничего не значащих словах Пушкин рассказал нам, что количество выпадающих осадков в этом районе весьма незначительно, благодаря чему мы и можем наблюдать безоблачное небо. Теперь ты понимаешь, какова сила пушкинского таланта? Давай дальше.

Но мне уже почему-то не хотелось читать. Как-то всё сразу надоело. И поэтому я наскоро пробормотал:

...Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...

— А почему? — оживилась Елизавета Николаевна.

— Что — почему? — сказал я.

— Почему он не хочет? — повторила она.

— Что — не хочет?

— Дремоты превозмочь.

— Кто?

— Воздух.

— Какой?

— Как какой — украинский! Ты ведь сам только сейчас говорил: «Своей дремоты превозмочь не хочет воздух...» Так почему же он не хочет?

— Не хочет, и всё, — сказал я с сердцем. — Просыпаться не хочет! Хочет дремать, и все дела!

— Ну, нет, — рассердилась Елизавета Николаевна и поводила перед моим носом указательным пальцем из стороны в сторону. Получалось, как будто она хочет сказать: «Эти номера у вашего воздуха не пройдут». — Ну нет, — повторила она. — Здесь дело в том, что Пушкин намекает на тот факт, что на Украине находится небольшой циклонический центр с давлением около семисот сорока миллиметров. А как известно, воздух в циклоне движется от краёв к середине. И именно это явление и вдохновило поэта на бессмертные строки: «Чуть трепещут, м-м-м... м-м-м, каких-то тополей листы!» Понял, Кораблёв? Усвоил? Садись!

И я сел. А после урока Мишка вдруг отвернулся от меня, покраснел и сказал:

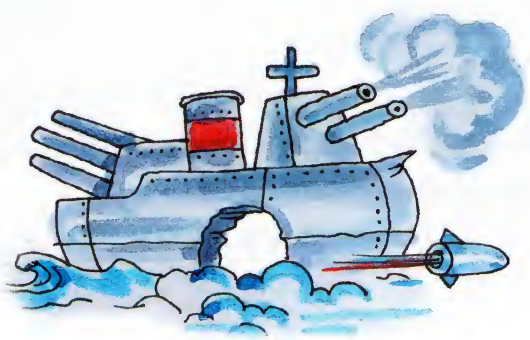
— А моё любимое — про сосну: «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...» Знаешь?

— Знаю, конечно, — сказал я. — Как не знать.

Я выдал ему «научное» лицо.

«На севере диком» — этими словами Лермонтов сообщил нам, что сосна, как ни крути, а всё-таки довольно морозоустойчивое растение. А фраза «стоит на голой вершине» дополняет, что сосна к тому же обладает сверхмощным стержневым корнем...

Мишка с испугом глянул на меня. А я на него. А потом мы расхохотались. И хохотали долго, как безумные. Всю перемену.



Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах...

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и, когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:

— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

— Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

— Надо её придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай выдумаем поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

СТОМАТОЛОГИЯ
ПОЖАР
ПРУД

— Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

— Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот — бух!.. В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну да, — говорю я, — правильно! Но пожар всё-таки лучше!

— Ну, нет, — говорит Мишка, — именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня:

— Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

«Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Ивановна?

— Ах, это ты, Дениска, — сказала Раиса Ивановна. — Что ж, входи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна вгляделась в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

— Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

— Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Иванна, прямо ох-хо-хо! Ух, ты! Ай-ай-ай!

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко — Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише, — сказала она, — дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего бряк-нул:

— Там пожар был!

И сразу все утихли. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит — прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, зна-чит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги — спасли. А тут её мама

прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку. Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Иванна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у неё были серьёзные и счастливые.

Она сказала:

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди, садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил

что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи, — сказала она, — входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался!

— Ещё как! — говорит Мишка. — Боялся, что вы заругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина, — говорит Раиса Ивановна, — ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается. — С...с...спасли? А кк...кк...кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

— Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу — он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

— Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать.

И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе и не тяжёлый был. Кило десять — пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто не тяжёлый, кило десять — пятнадцать?

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

— Да которого мы из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь, — говорит Раиса Ивановна, — ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

— Как — откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим — кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделать: Мишка врал как по писаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт, и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

— Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

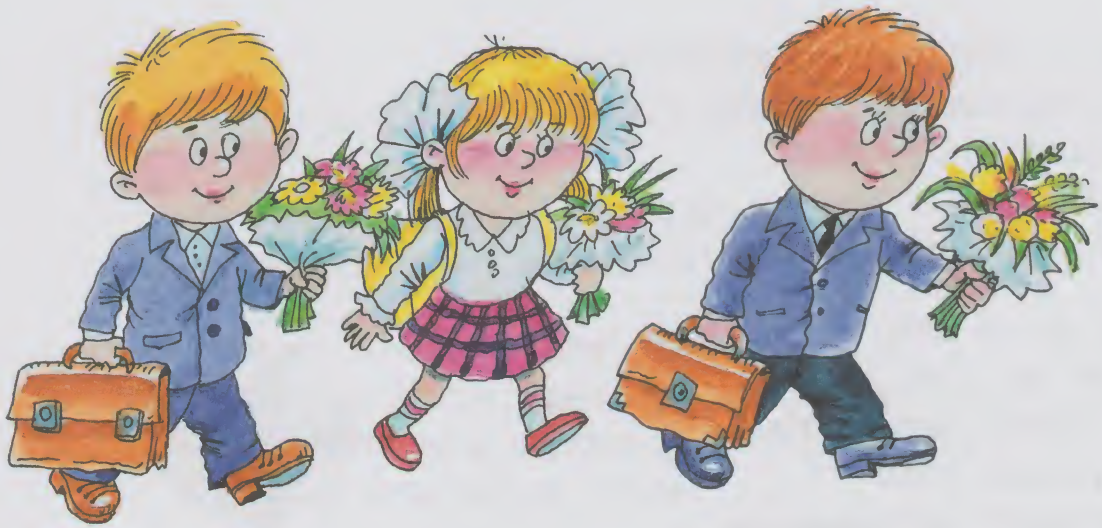
— Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку:

«Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ:

«Ну конечно! Или говорить правду, или получше сговариваться».



Яков Аким

В школу

Сегодня
Маленький народ
Встречает новый
Школьный год.

С утра по тротуарам,
По улице любой
Идут ребята
Парами,
Цепочкою,
Гурьбой.

Кто тащит
На занятия
Приёмник-самоделку,
Кто бабочек
Засушенных,
А кто — живую белку,

Вот с братом-первоклассником
Сестра шагает рядом.
Девочке поручено
Смотреть
За младшим братом.

Да он и сам
Ещё не раз
К своей сестрёнке
В пятый класс
Заглянет непременно
В большую перемену!

...Идут гурьбою
Школьники
С портфелями в руках,
Не тронуты тетрадки,
Чисто в дневниках.

Они к звонку торопятся
И весело галдят.
А взрослые
Из окон
С улыбкою глядят.

У нас в почёте
Всякий труд —
Трудиться
Школьники
Идут!

В нашем классе ученица

В нашем классе ученица —
Я на ней хочу жениться.

Надьку в школе все боятся:
Здорово умеет драться.
Вот какая мне нужна
Верный спутник и жена!

На одной из перемен
Подойду я к Наде Н.

Подкачусь издалека:
— Дай списать задачи... —
Даст, наверно, тумака,
Не дождётся сдачи.

Пусть хотя бы извинится...
Нет, стерплю, нельзя спешить.
Раз уж ты решил жениться,
Всё придётся пережить.

Но зато научит драться,
В школу будет провожать.
Все начнут МЕНЯ бояться
И за смелость уважать!

Митины каникулы

Тише,
Не шумите!
Каникулы
У Мити!

Никто его не будит,
Никто не подтолкнёт.
— Пусть, — сказала
бабушка, —
Ребёнок отдохнёт.

Около двенадцати
Без лишней канители
Митя, неумытый,
Позавтракал
В постели.

С кровати
перегнувшись,
Как в лодке
Через борт,
Достал он с пола
Книжку
Про горнолыжный
Спорт.

Перелистал картинки,
Зевнул,
Ещё зевнул
И как-то незаметно
За книгою
Уснул.

Тише,
Не шумите!
Каникулы
У Мити!

На улице стемнело.
Зажгли в квартире свет.
— Митя, — шепчет
бабушка, —
Проснись, дружок,
обед!

Глаза продрал
Наш Митя,
Оделся, сел за стол
И говорит:
— Смотрите,
Когда же день
прошёл?

...Друзья,
С такого Мити
Примера
Не берите!

Марина Дружинина

Непослушные цыплята

На уроке музыки Глафира Петровна строго сказала:

— Дети! Сегодня я вам продиктую новую песню. А вы записывайте всё очень тщательно, не пропуская ни единого словечка! Итак, начали! «Цып, цып, мои цыплятки...»

А в это время Петька Редькин решил пощекотать Владика Гусева. Владик взвизгнул и подпрыгнул. А Петька захихикал.

— Как вы себя ведёте? Безобразники! — рассердилась Глафира Петровна. — Вы у меня дождётесь! — И про-

должала: — «Цып, цып, мои касатки, вы — пушистые комочки...»

А в это время Владик Гусев решил дать сдачи Петьке Редькину. И тоже его пощекотал. И теперь уже Петька взвизгнул и подпрыгнул. Глафира Петровна рассердилась ещё больше и крикнула:

— Совсем обнаглели! Распустились! Если не исправитесь, то ничего хорошего из вас не получится! Только хулиганы и бандиты! Срочно подумайте над своим поведением!

И стала дальше диктовать про цыплят.

А Петька Редькин подумал-подумал над своим поведением и решил его исправить. То есть перестал щекотать Владика и просто выдернул у него из-под носа тетрадку. Они начали тянуть несчастную тетрадку каждый к себе, и она в конце концов разорвалась. А Петька и Владик с грохотом свалились со стульев.

Тут терпение Глафиры Петровны лопнуло.

— Вон отсюда! Негодники! — закричала она страшным голосом. — И чтоб завтра же привели родителей!

Петька с Владиком чинно удалились. Глафире Петровне больше никто не мешал. Но она уже не могла успокоиться и всё повторяла:

— Накажу! Ух, накажу негодников! Надолго запомнят!

Наконец мы дописали песню, и Глафира Петровна сказала:

— Вот Ручкин сегодня хорошо себя ведёт. И слова, наверное, все записал.

Она взяла мою тетрадь. И стала вслух читать. И лицо у неё постепенно вытягивалось, а глаза округлялись:

«Цып, цып, мои цыплятки, я вас накажу, вы у меня дождётесь! Цып, цып, мои касатки! Безобразники, как вы

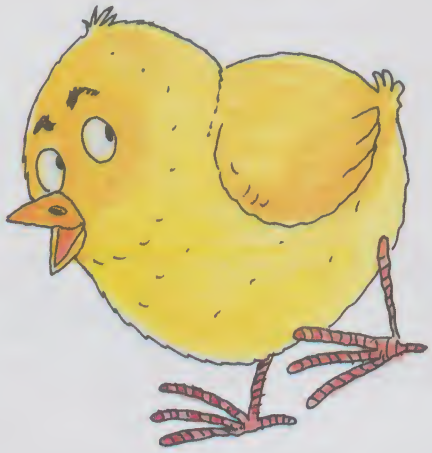
ТЕТРАДЬ
по пению
ученика
Кукина

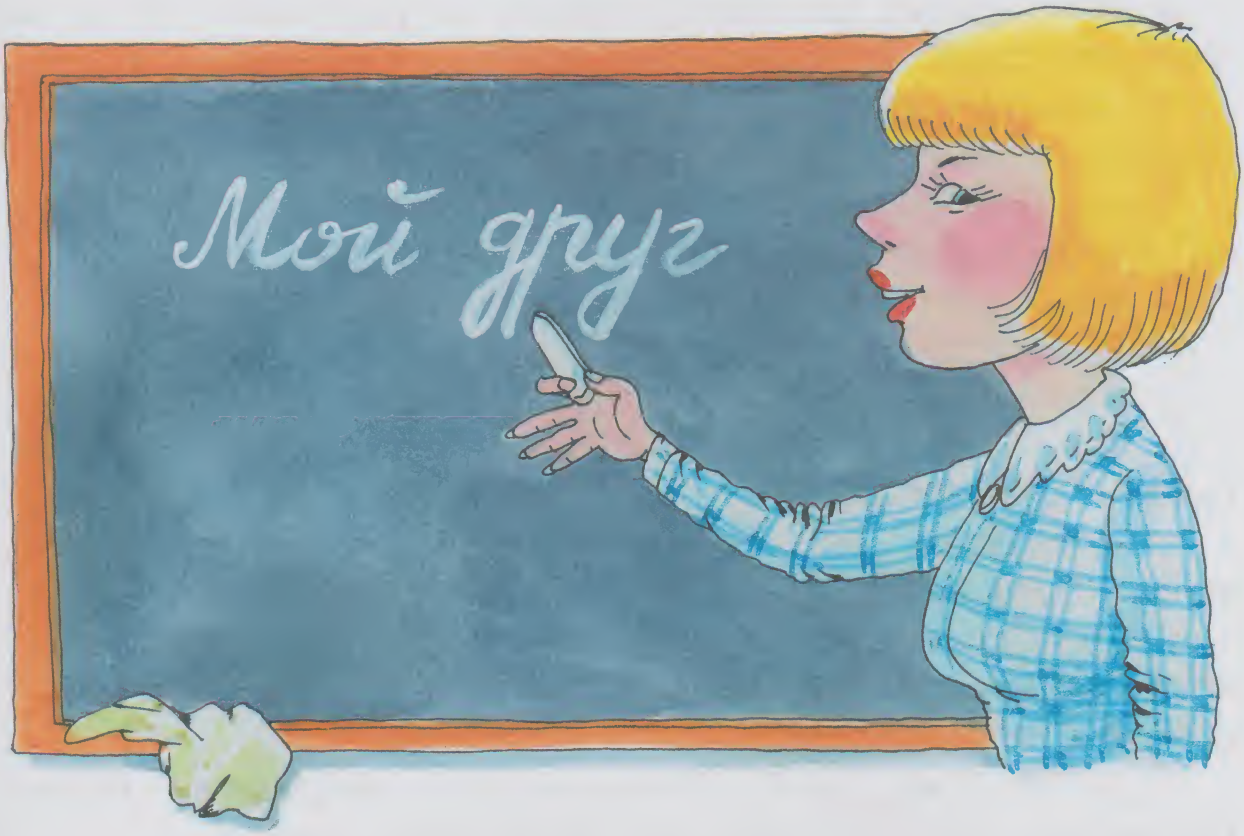
себя ведёте? Вы, пушистые комочки, совсем обнаглели! Мои будущие квочки! Из таких, как вы, вырастают бандиты и хулиганы! Подойдите же напиться и подумайте над своим поведением! Дам вам зёрен и водицы, и чтоб завтра же привели родителей! Ух, накажу этих негодников! Надолго запомнят!»

...Класс захлёбывался и всхлипывал от смеха. Но Глафира Петровна и не улыбнулась.

— Та-ак, Ручкин, — произнесла она металлическим голосом. — За урок тебе — двойка. И чтоб без родителей ты в школу не являлся.

...Ну за что, спрашивается, двойка? За что родителей в школу? Я же записывал всё, как просила Глафира Петровна! Ни словечка не пропустил!





Мой приятель — супермен

На уроке русского языка нас ожидал сюрприз.

— Диктанта сегодня не будет! — объявила Татьяна Евгеньевна. — Зато сейчас вы будете писать сочинение под условным названием «Мой друг». Надеюсь, вы отнесётесь к этому заданию ответственно и творчески. Итак, жду от вас кратких и ярких портретов друзей, одноклассников или просто знакомых!

«Напишу-ка про Петьку! — решил я. — Может, он не очень-то мне и друг, но что знакомый — это факт. Да и сидит прямо передо мной — очень уж удобно его описывать!»

В этот момент Петька как будто почувствовал, что я за ним наблюдаю, и пошевелил ушами.

И поэтому сочинение я начал так: «Мой друг здорово шевелит ушами...»

Описывать Петьку оказалось очень интересно. Я даже не заметил, как подошла Татьяна Евгеньевна.

— Вова, очнись! Все уже закончили работу!

— Я тоже закончил!

— А про кого это ты с таким упоением писал?

— Так, про одного человека из нашего класса, — загадочно ответил я.

— Прекрасно! — воскликнула учительница. — Читай вслух, а мы будем угадывать, кто этот человек.

— Мой друг здорово шевелит ушами, — начал я. — Хотя они у него огромные, как лопухи, и с первого взгляда очень неповоротливые...

— Да это же Пашка Ромашкин! — выкрикнула Людка Пустякова. — У него как раз такие уши!

— Вот и неправильно! — отрезал я и продолжал: — Мой друг не любит учиться. Зато он очень любит поесть. В общем, прожорливый такой друг. Несмотря на это, он тощий и бледный. Плечики у друга узенькие, глазки маленькие и хитрые. Он очень невзрачный с виду — так, сутулая спичка в школьной форме. Или бледная поганка...

— Тогда это Владик Гусев! Вон он какой тощий! — снова закричала Людка Пустякова.

— А уши-то не сходятся! — закричали другие ребята.

— Перестаньте шуметь! — вмешалась учительница. — Вова закончит, тогда и разберёмся!

— Иногда мой друг бывает ужасно вредный, — читал я дальше. — А иногда не ужасно. Он обожает смеяться над другими. И зубы у него торчат в разные стороны. Как у вампира.

Иногда мой друг бывает ужасно вредный
Он тощий и бледный

— Ребята! Да это же сам Вовка! — вдруг завопил Петька. — Всё совпадает! И плечи! И вредный! И зубы торчат!

— Правильно! — подхватили другие ребята. — Вот так Вовка! Здорово сам себя описал! — Некоторые девчонки даже захлопали в ладоши.

— Раз все хором угадали, значит, действительно похож, — сказала учительница. — Но очень уж ты к себе критически относишься. Карикатуру какую-то изобразил!

— Да не я это! Ничего вы не понимаете! — Я прямо-таки взмок и охрип от возмущения. — Это Петька! Разве не ясно?!

Все захохотали, а Петька показал мне язык и запрыгал на стуле.

— Петя, уймись. Сейчас мы послушаем, что ты написал, — сказала Татьяна Евгеньевна. — А тебе, Вова, между прочим, есть над чем подумать.

Я сел, а Петька встал. И громко провозгласил:

— У моего друга безумно красивое лицо! Он потрясающе сложён, умён и силён. И это сразу заметно. У него длинные крепкие пальцы, стальные мускулы, толстая шея и широченные плечи. О голову моего друга можно запросто разбить кирпич. А друг и глазом не моргнёт. Только засмеётся. Мой друг знает всё на свете. Я люблю с ним поговорить о том о сём. То и дело мой друг приходит на помощь. И днём и ночью!

— Вот это друг! — восхитилась Татьяна Евгеньевна. — Позавидуешь! Я бы сама не отказалась от такого супер-друга! Ну-ка, ребята, быстренько, кто это?

Но мы ничего не понимали и недоумевающе переглядывались.

— А я знаю! Это Сильвестр Сталлоне! — неожиданно выпалила Пустякова.

У моего друга
безумно красивое
лицо!

Но никто даже не отреагировал на такую глупость. Будет ещё Сталлоне с Петькой болтать о том о сём!

А Татьяна Евгеньевна всё же уточнила:

— А друг-то из этого класса?

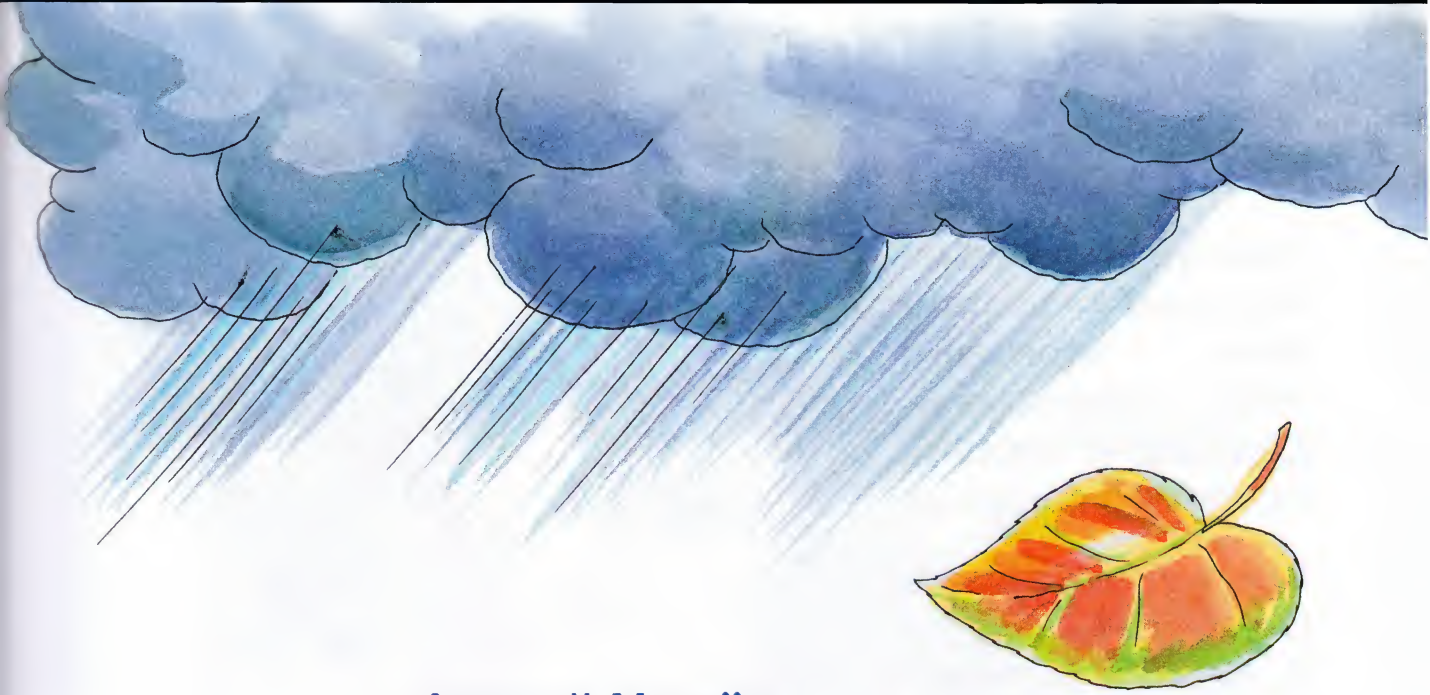
— Из этого! — подтвердил Петька.

И мы опять стали вытаращивать глаза и вертеться во все стороны.

— Ладно, Петя, сдаёмся! — наконец сказала учительница. — Кто же герой твоего рассказа?

Петька потупил глаза и застенчиво произнёс:

— Это я.



Андрей Усачёв

Скоро в школу

1 сентября

Промчалось лето красное,
Весёлое и вольное.
Настало время классное,
Дворовое и школьное.

Немножечко дождливое,
Холодное и стужное,
Но всё-таки счастливое
И очень-очень дружное.

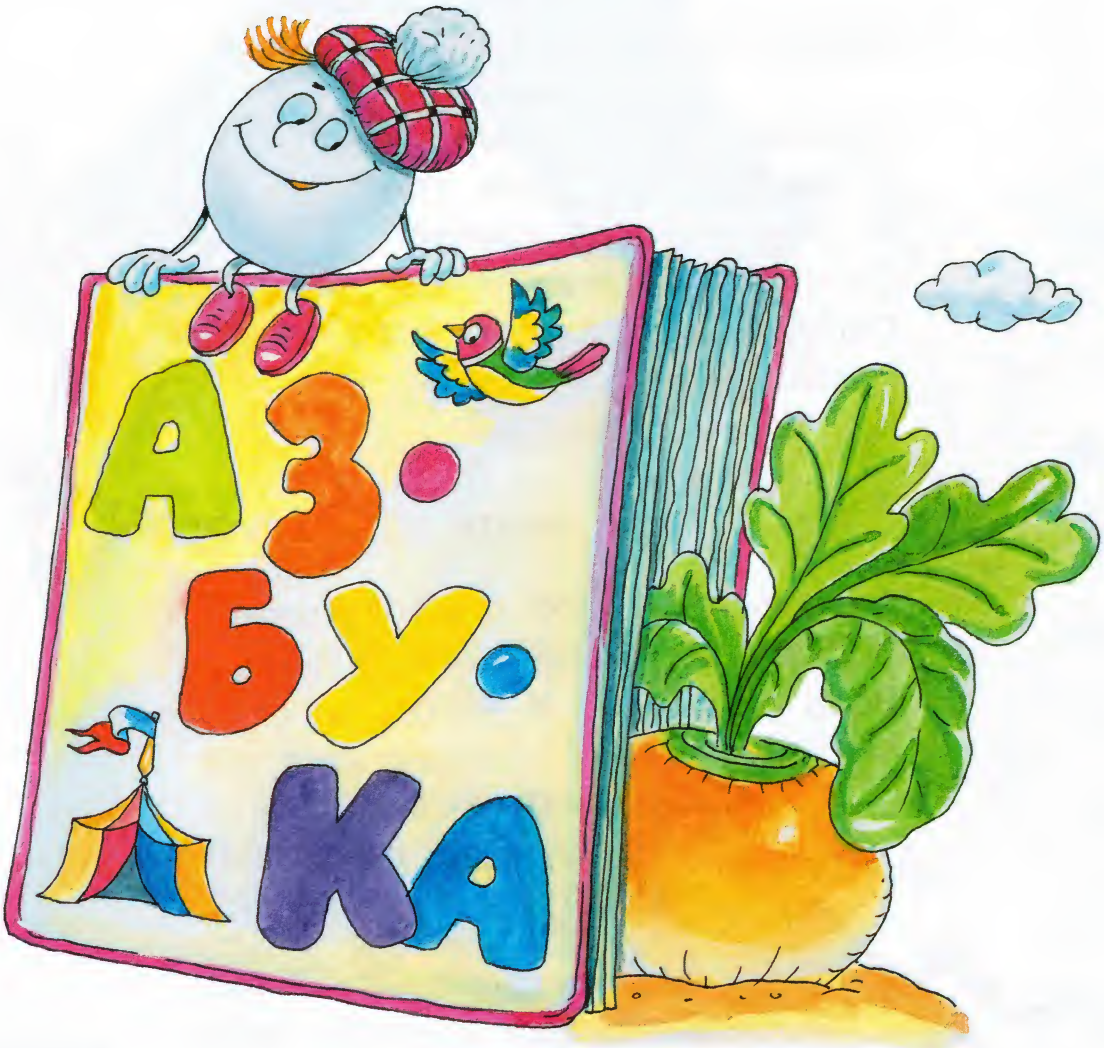
Кого принимают в школу?

Девочки с бантами,
Мальчики с цветами,
Мамы — наряжены,
Папы — наглажены.
Дедушки и бабушки
Суетятся рядышком.

Все волнуются, шумят,
Охают, вздыхают —
В школу все попасть хотят,
Но не всех пускают!

Вот звонок позвал ребят
Голоском хрустальным.
И весёлых взрослых взгляд
Стал чуть-чуть печальным.

Мамы смотрят детям вслед,
Мамы понимают:
Только тех, кому семь лет,
В школу принимают!



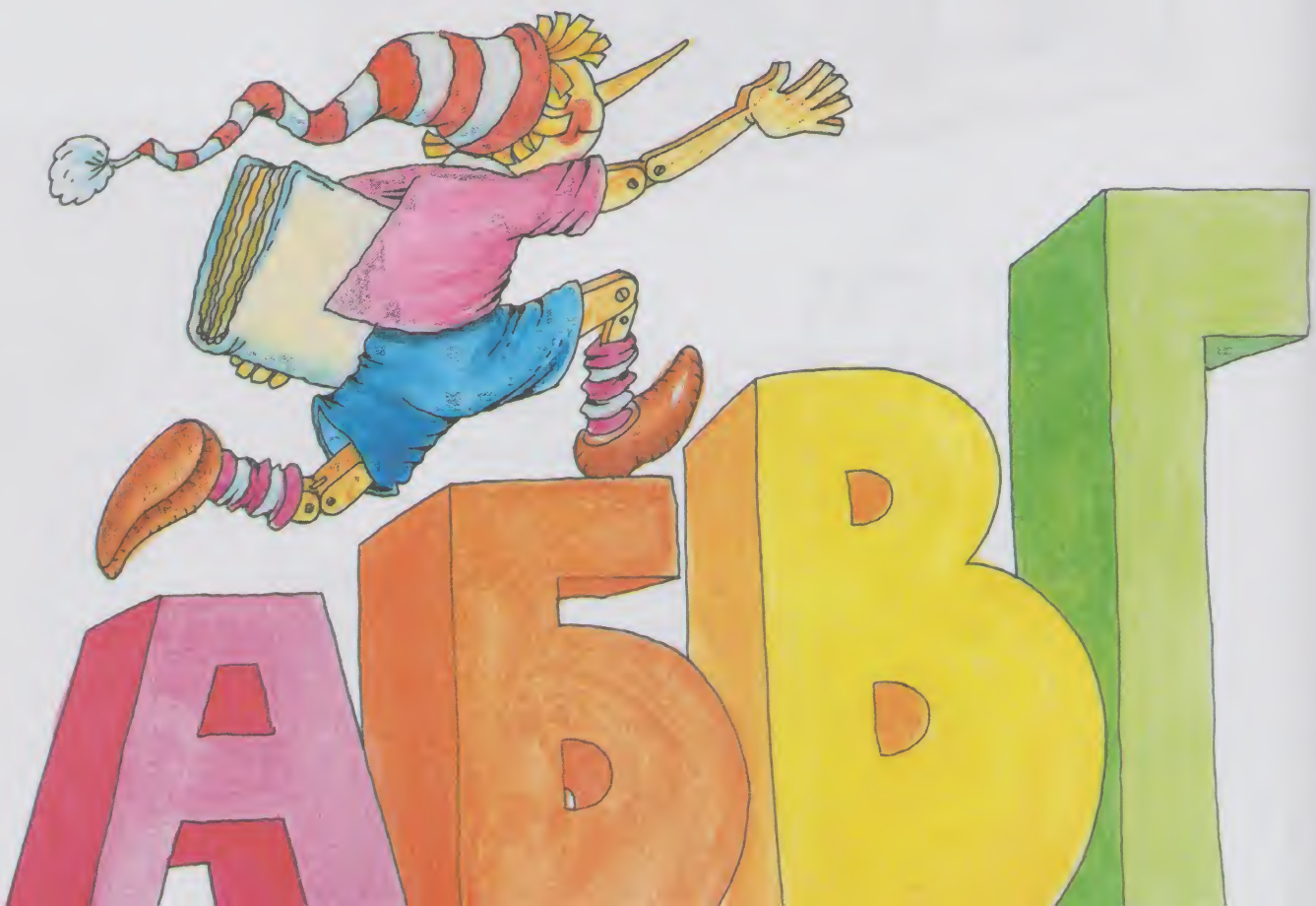
О чтении

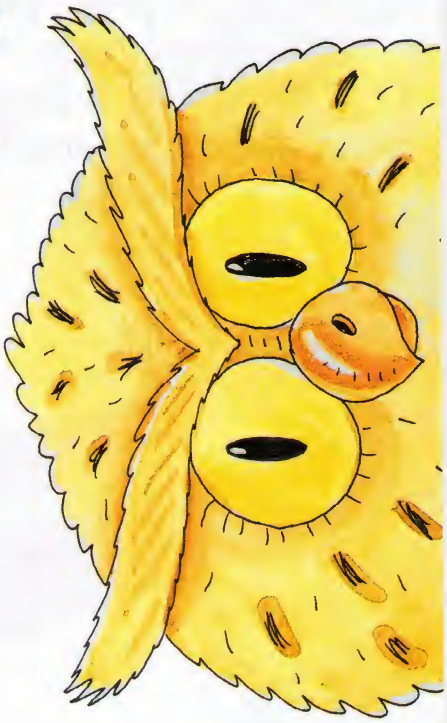
Читать ужасно интересно:
Вы можете сидеть, лежать
И — не сходя при этом с места —
Глазами книгу ПРОБЕЖАТЬ!

Да-да! Читать — ХОДИТЬ ГЛАЗАМИ:
За ручку с мамой, после — сами.
Ходить — ведь это же пустяк,
Не бойтесь сделать первый шаг!

Споткнулись раз, другой...
И вдруг вы
Прочли подряд четыре буквы.
И вы пошли, пошли, пошли —
И слово первое прочли!
От слова к слову — как по кочкам —
Помчитесь весело по строчкам...
И так научитесь читать —
Как бегать,
прыгать...
Как летать!

Я знаю, скоро по странице
Порхать вы станете как птицы...
Ведь необъятен и велик,
Как небо, —
мир волшебный книг!





Слоги

Урок чтения

Из букв слагают слоги,
А из слогов — слова:
Два слога в слове НО-ГИ,
Три — в слове ГО-ЛО-ВА.

Да, ГО-ЛО-ВА сложнее НОГ.
(Она длинней на целый слог.)
С неё мы и начнём урок.

Когда возьмём мы просто ГО,
У нас не выйдет ничеГО.
Но если к ГО прибавить ЛО...
ГО-ЛО — прочесть не тяжеЛО.
И наконец прибавим ВА...
Что вышло? Думай... ГО-ЛО-ВА!
А к СО прибавить ВА — СОВА,
А к ДРО прибавим ВА — ДРОВА,
А к ТРА прибавить ВА — ТРАВА...
Так получаются СЛО-ВА.

Пятнистые стихи

Урок рисования

Надо, друзья, рисовать аккуратно,
Не то на лице появляются пятна,
Пятна в тетради,
И пятна на парте,
И на жирафе,
И леопарде!

Открытие Америки

Урок географии

Три храбрых таракана
Отправились в поход:
Моря и океаны
Переходили вброд,
Ползли через обвалы,
Сквозь тундру и снега,
Туда, где не ступала
Ещё ничья нога.

Три путешественника шли
К неведомому берегу
И на рассвете вдруг нашли...
Ура! Нашли Америку!

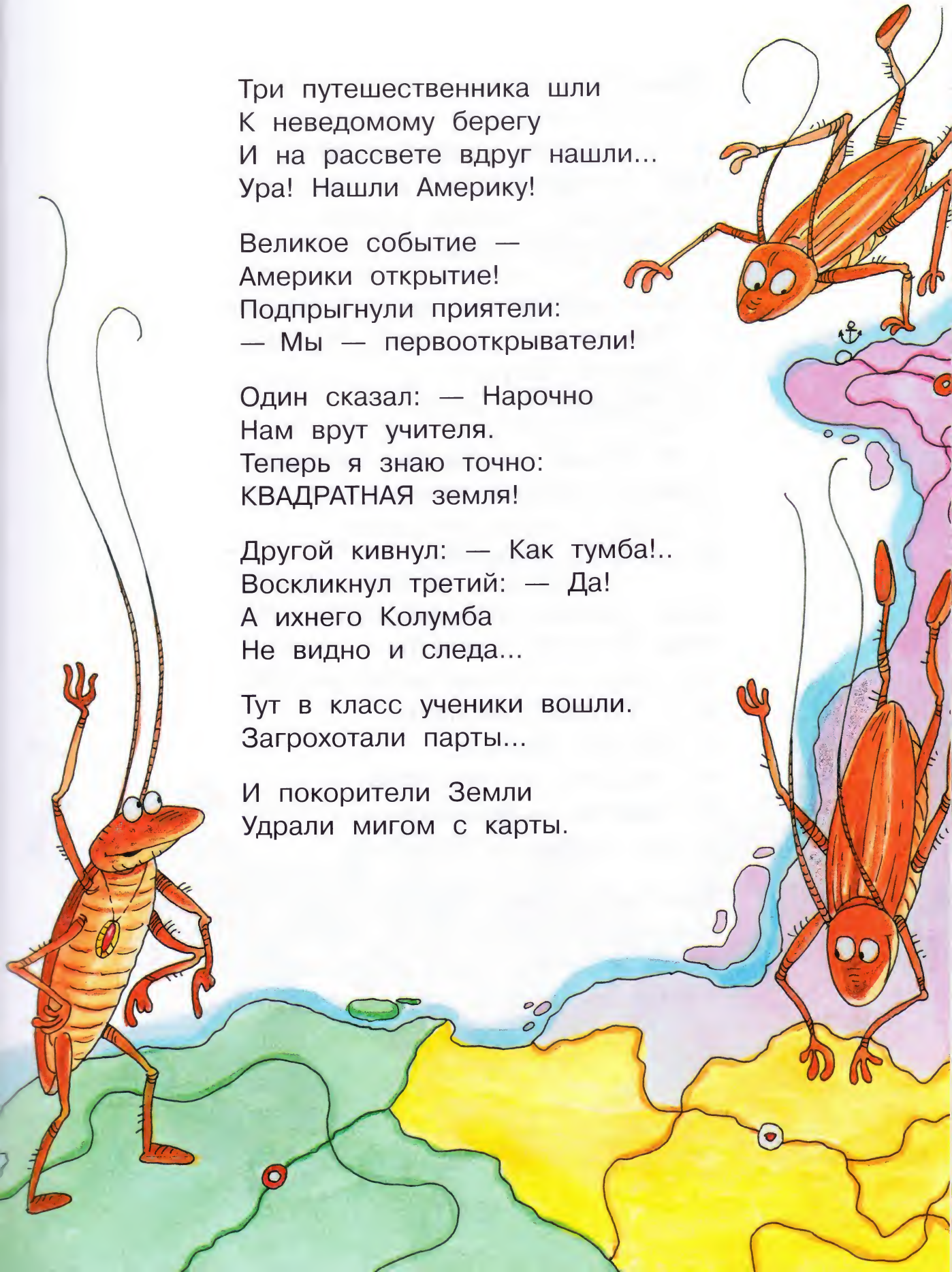
Великое событие —
Америки открытие!
Подпрыгнули приятели:
— Мы — первооткрыватели!

Один сказал: — Нарочно
Нам врут учителя.
Теперь я знаю точно:
КВАДРАТНАЯ земля!

Другой кивнул: — Как тумба!..
Воскликнул третий: — Да!
А ихнего Колумба
Не видно и следа...

Тут в класс ученики вошли.
Загрохотали парты...

И покорители Земли
Удрали мигом с карты.



Уборка

— Ты, Крылов, цветы полей-ка.
Там, в углу, большая лейка.
Ты, Козлов, с доски стирай.
Ты, Петрова, подметай!

— Нет проблем! — сказал Крылов.
— Всё хоккей! — сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не ответила ни слова.

— В общем, чтобы был порядок! —
Пояснил учитель мысль
И ушёл с горой тетрадок.
И событья понеслись:

Взял Крылов большую лейку —
Стал Петрову поливать.
Не стерпел Козлов — и тряпкой
Стал Петрову вытирать.
А суровая Петрова
Не сказала им ни слова —
И Козлова, и Крылова
Стала щёткой выметать...

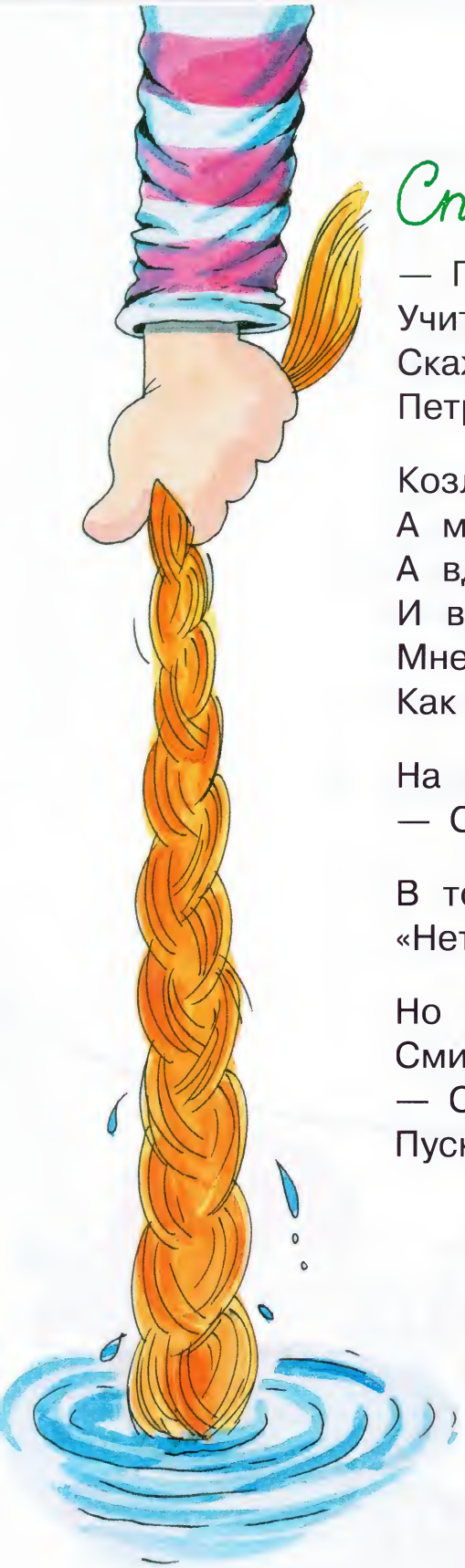
В общем, школа так тряслась,
Что вбежал директор в класс
И взглянул на них с испугом:
— Что вы делали друг с другом?

— П-поливал, — сказал Крылов.
— В-вытирал, — сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не ответила ни слова.

— Что ж, отлично убран класс —
Класс намного чище вас!
Напишу я вам записку —
И чтоб были через час...

— Ой, не на... — сказал Крылов.
— Я не бу... — сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не сказала ничего.

Но сдержал директор слово.
Вскоре всех до одного
По директорской записке
Срочно
приняли
в химчистке.



Спасатель

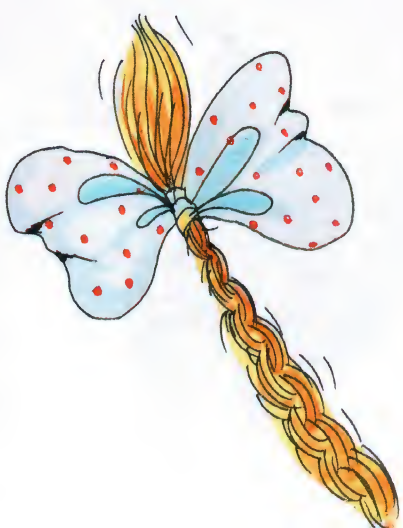
— Придётся наказать Козлова! —
Учитель вымолвил сурово. —
Скажи, Козлов, зачем ты снова
Петрову дёрнул за косу?

Козлов ответил: — Что ж такого?
А может, я её спасу...
А вдруг пойдёт она купаться,
И вдруг начнёт она тонуть —
Мне ж надо потренироваться,
Как из воды её тянуть!

На это крикнула Петрова:
— Спасай кого-нибудь другого!

В тот день Козлов решил с расстройства:
«Нет в жизни места для геройства!»

Но через день с надеждой новой
Смирнову дёрнул за косу:
— Смирнова, я ТЕБЯ спасу —
Пускай завидует Петрова!



Александр Раскин

Как папа пошёл в школу

Когда папа был маленьким, он очень много болел. Он не пропустил ни одной детской болезни. Он болел корью, свинкой, коклюшем. После каждой болезни у него были осложнения. А когда они проходили, маленький папа быстро заболевал новой болезнью.

Когда ему нужно было пойти в школу, маленький папа тоже лежал больной. Когда он выздоровел и в первый раз пошёл на занятия, все дети уже давно учились. Они все уже перезнакомились, и учительница тоже их всех знала.

А маленького папу никто не знал. И все на него смотрели. Это было очень неприятно. Тем более что некоторые даже высовывали язык.

А один мальчишка подставил ему ножку. И маленький папа упал. Но он не заплакал. Он встал и толкнул того мальчишку. Тот тоже упал. Потом он встал и толкнул маленького папу. И маленький папа опять упал. Он опять не заплакал. И опять толкнул мальчишку. Так они, наверно, толкались бы весь день. Но тут зазвонил звонок. Все пошли в класс и сели на свои места. А у маленького папы не было своего места. И его посадили рядом с девочкой. Весь класс начал смеяться. И даже эта девочка засмеялась.

Тут маленькому папе очень захотелось заплакать. Но вдруг ему стало смешно, и он сам засмеялся. Тогда засмеялась и учительница. Она сказала:

— Вот это ты молодец! А я уж боялась, что ты заплачешь.

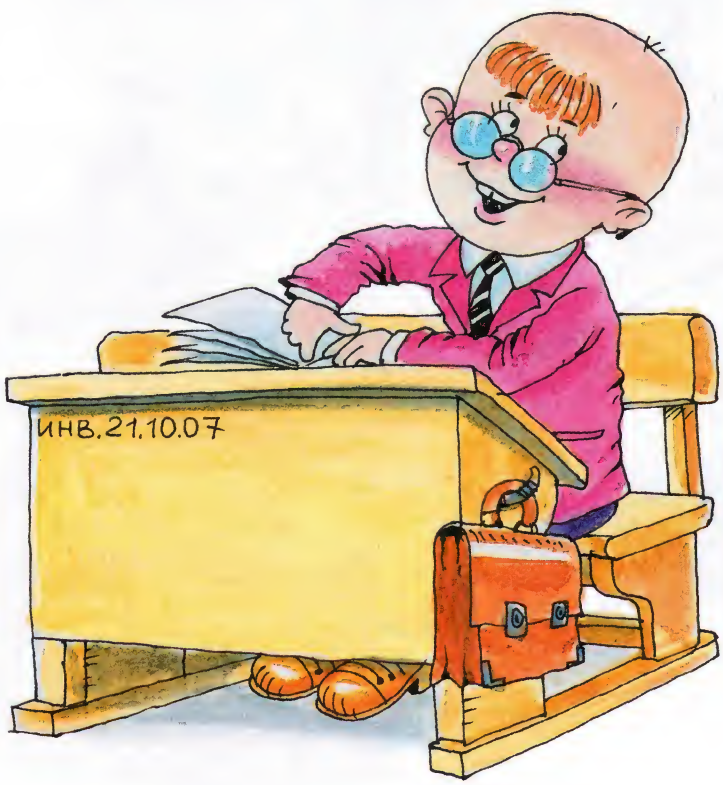
— Я сам боялся, — сказал папа.

И все опять засмеялись.

— Запомните, дети, — сказала учительница, — когда вам хочется плакать, непременно попробуйте засмеяться. Это мой совет вам на всю жизнь. А теперь давайте учиться.

Маленький папа узнал в этот день, что он читает лучше всех в классе. Но тут же он узнал, что пишет хуже всех. Когда же выяснилось, что он лучше всех разговаривает на уроке, то учительница погрозила ему пальцем.

Это была очень хорошая учительница. Она была и строгая и весёлая. Учиться у неё было очень интересно. И её совет маленький папа запомнил на всю жизнь. Ведь это был его первый школьный день. А этих дней потом было много. И так много было весёлых и грустных, хороших и плохих историй в школе маленького папы!



Как папа опаздывал

Когда папа был маленьким, он ходил в школу, как все дети. Но все дети приходили к началу занятий. А маленький папа всегда опаздывал. Иногда он опаздывал даже на второй урок. И это очень удивляло учительницу. Она говорила, что такого мальчика в их школе ещё не было. А директор сказал, что, наверно, в других школах тоже нет такого ученика.

— Этот мальчик опаздывает, как часы! — сказал директор. — И даже его родители ничего не могут с ним сделать. Я вызывал их два раза.

И действительно, родители ничего не могли поделать с маленьким папой. Каждый вечер происходила одна и та же история.

— Ты сделал уроки? — спрашивала бабушка.

— Сейчас... — отвечал маленький папа.

— Перестань читать и садись делать уроки! — говорил дедушка.

— Сейчас, — отвечал маленький папа, — только дочитаю страницу.

Маленький папа дочитывал страницу и начинал следующую. Он просто не в силах был бросить интересную книжку и сесть за скучные уроки.

— Брось книгу!

— Сейчас...

— Брось книгу!

— Сейчас...

Наконец у дедушки и бабушки лопалось терпение. Они вырывали у маленького папы книгу.

— Вырастешь лентяем! — говорили они.

Тогда маленький папа очень обижался. Он долго плакал и требовал свою книгу обратно. Он говорил, что, пока ему не вернут книгу, он всё равно не сядет за уроки.

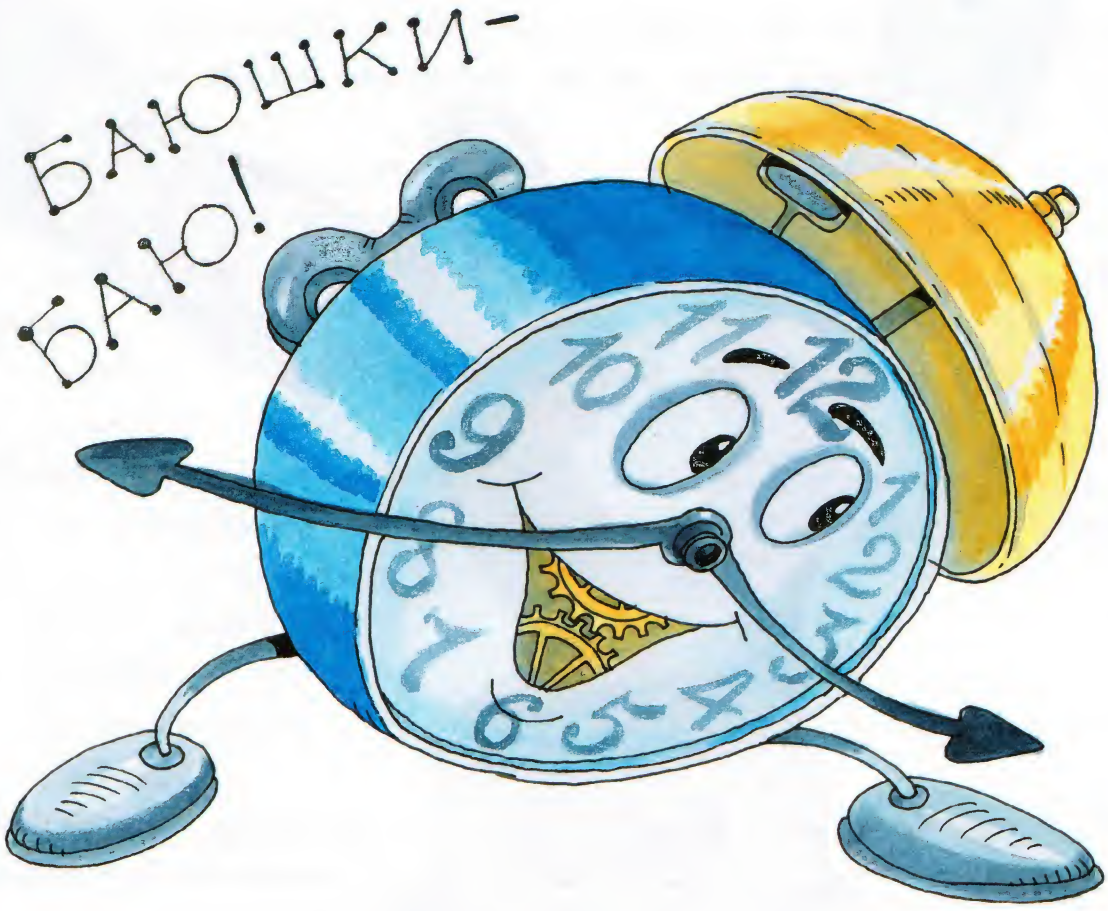
Так незаметно проходил вечер. Когда маленький папа наконец садился за уроки, он быстро засыпал. Его будили. Он опять засыпал. Его опять будили. Он всё равно засыпал. Его всё равно будили. И он делал уроки в каком-то полусне. Так незаметно проходила часть ночи. Наконец усталые дедушка и бабушка сами засыпали.

Утром начиналась другая история.

— Вставай! — говорила бабушка.

— Сейчас... — бормотал маленький папа.

— Вставай! — кричал дедушка.



— Сейчас...
— Вставай!
— Сейчас...
— Опоздаешь!
— Сейчас...
— Уже опоздал...
— Сейчас...

Все знают, как трудно встать рано утром, когда лёг поздно вечером. Самый сладкий сон как раз в это время. Особенно если тебе надо идти в школу.

Пока маленький папа медленно вставал, медленно одевался, медленно умывался, медленно пил чай и медленно собирал свои тетрадки, проходило очень много времени.

И вот он бежал в школу, с ужасом глядя по дороге на все часы.

Когда маленький папа, задыхаясь, вбегал в класс, все ученики помирали со смеху. Смеялась даже учительница.

— А, вот и наш мальчик-опоздальчик! — говорила она.

И это было очень обидно.

А в школьной стенгазете маленький папа был нарисован крепко спящим в своей постели. Рядом с ним были нарисованы его родители. Они обливали его холодной водой из двух вёдер сразу. Огромный будильник тянул маленького папу за ухо. И какой-то мальчик с трубой дудел ему прямо в другое ухо. Всё это называлось: «Баюшки-баю». И это тоже было очень обидно. Но он опять опаздывал.

Делая уроки в последнюю минуту, маленький папа делал их не очень хорошо. Опаздывая в школу, он пропускал объяснения учителей, и это мешало ему хорошо учиться.

Кроме того, он всё время куда-то спешил, опаздывал, бежал, волновался. И это плохо отражалось на его характере. Но он всё равно опаздывал.

Я бы с удовольствием рассказал, как учителя и ученики смеялись над маленьким папой так обидно, что он в один прекрасный день пришёл в школу раньше всех и с тех пор не опаздывал ни разу.

Но я не хочу говорить неправду.

Маленький папа всюду опаздывал всю свою жизнь. Он опаздывал в школу. Он опаздывал в институт. И на работу он тоже опаздывал. Над ним всюду смеялись. Его наказывали. Его ругали и стыдили. И он очень много потерял в жизни из-за этой несчастной привычки. Он опаздывал в театр и смотрел спектакль без начала. Он опаздывал в гости, и на него очень обижались и даже иногда просили больше совсем не приходить. Он приходил по делу и портил это дело своим опозданием.

А сколько раз он встречал Новый год на пустой улице, опаздывая на встречу с друзьями. Сколько людей он подвёл!

Сколько смешных и обидных историй любят рассказывать о нём его знакомые... До сих пор маленький папа не может ходить по улице медленно. Он всегда спешит. Он привык куда-то опаздывать. И даже ночью ему снится, что он опять куда-то опоздал. И он вздрагивает и стонет во сне. А иногда ему снится, что он опять стал маленьким. Опять бежит в школу. И весело смотрит на часы. Ещё рано! Ему снится, что он не опоздал. Все его поздравляют.

Директор школы преподносит ему цветы. Его портрет вешают в школьном зале. Оркестр играет туш. И тут он всегда просыпается. И ему кажется, что теперь он не опаздывал бы в школу. Но это ему только кажется.

Как папу девочки обижали

Когда папа был маленьким и начал учиться в школе, часто можно было видеть такую картину. Кончилась перемена. Прозвенел звонок. Опустели все коридоры. Все школьники сидят на своих местах. И только один маленький папа стоит у дверей класса и горько плачет. Он плачет, а в классе все хохочут. И когда учительница идёт в класс и видит эту картину, она сразу всё понимает.

— Ну что, мальчик, — говорит она с улыбкой, — опять тебя девочки обижают?

И маленький папа, горько плача, кивает головой.

Почему же девочки обижали маленького папу? И как они это делали? А очень просто. Когда все прибегали с перемены, девочки занимали парту маленького папы. Три, а то и четыре девочки сидели за этой партой и громко смеялись, глядя на маленького папу. А он был очень тихим и стеснительным мальчиком. У него до школы была только одна знакомая девочка — Маша. И он вообще старался держаться подальше от девочек. А девочки это заметили. И стали его дразнить. Вот как всё это получалось.

Когда вы просто сидите рядом с одной девочкой, это ещё можно стерпеть. Но когда четыре девчонки сидят на вашем месте и помирают со смеху, глядя на вас, это совсем другое дело. А когда вместе с ними хохочет весь класс, то это уже невозможно выдержать. И маленький папа убегал из класса и горько плакал за дверью. А классу, конечно, было очень смешно смотреть на всё это.

Другие мальчишки говорили маленькому папе:

— Что ты на них смотришь? Гони их со своей парты. Толкни вот эту! Да так, чтобы помнила.

И они толкали ту девочку, которая смеялась громче других и чаще всех дразнила маленького папу. Это была очень бойкая и очень симпатичная девочка. Кажется, её звали Тамара. Или Галя. Одним словом, или Вера, или Люся. Но скорее всего — Валя. И она, наверно, очень хорошо понимала, что нравится маленькому папе больше всех

девочек в классе. Девочки всегда это понимают. Может быть, поэтому она и смеялась так громко. Она смеялась, а маленький папа плакал.

Наконец всё это надоело учительнице. И однажды, войдя в класс вместе с рыдающим маленьким папой, она сказала так:

— В классе шестнадцать девочек и восемнадцать мальчиков. Шестнадцать девочек дразнят одного и того же мальчика. Спрашивается: почему они не дразнят остальных семнадцать? Кто может решить эту задачу?

Весь класс засмеялся. Тогда учительница повторила:

— Почему дразнят только одного мальчика? Я спрашиваю совершенно серьёзно. И прошу мне ответить.

Тогда все замолчали. И только девочки тихонько хихикали. Один мальчик поднял руку и сказал:

— Потому, что он плачет.

— Совершенно верно! — сказала учительница под общий смех. — Ведь мы давно договорились, что лучше смеяться, чем плакать. Ты понимаешь это? — спросила она маленького папу.

И он, плача, сказал:

— Понимаю.

— Смотри же, не забывай, — сказала учительница, — а то девочки будут обижать тебя всю жизнь...

Маленькому папе совсем этого не хотелось. И в следующий раз, когда девочки сели за его парту и стали смеяться, он уже не плакал. Он просто пошёл и сел на место той девочки, которая ему нравилась. И тогда все стали смеяться над ней. Она, конечно, не заплакала, но перестала смеяться. С тех пор девочки перестали обижать маленького папу. Они даже подружились с ним. И всю жизнь его обижали только мальчики. Но ведь мальчики всех обижают. На то они и мальчики.

Как папа обманывал учительницу

Когда папа был маленьким и учился в школе, он очень любил свою учительницу. И все ребята её любили. Она была высокая, некрасивая, всегда носила только тёмные платья. Это взрослые говорили, что она некрасивая. Маленькому папе она казалась очень красивой. А звали её так: Афанасия Никифоровна. Она была весёлая и строгая. Но важнее всего было то, что она была очень справедливая. И все ребята знали: если Афанасия Никифоровна сердится на них, значит, они виноваты. Никогда она не сердилась на ребят зря. И у неё не было любимчиков. Она любила всех своих учеников. И на каждого могла рассердиться, если он шалил или не сделал уроков. Все

ребята знали, что Афанасия Никифоровна работает в этой школе уже двадцать лет. И все знали, что она не любит хвастунов, жадин и ябедников.

На уроке Афанасии Никифоровны всегда было очень интересно. Поэтому все сидели тихо и слушали. Однажды маленького папу укололи в спину булавкой. Было очень больно. И он крикнул:

— Ой!

Тогда учительница спросила:

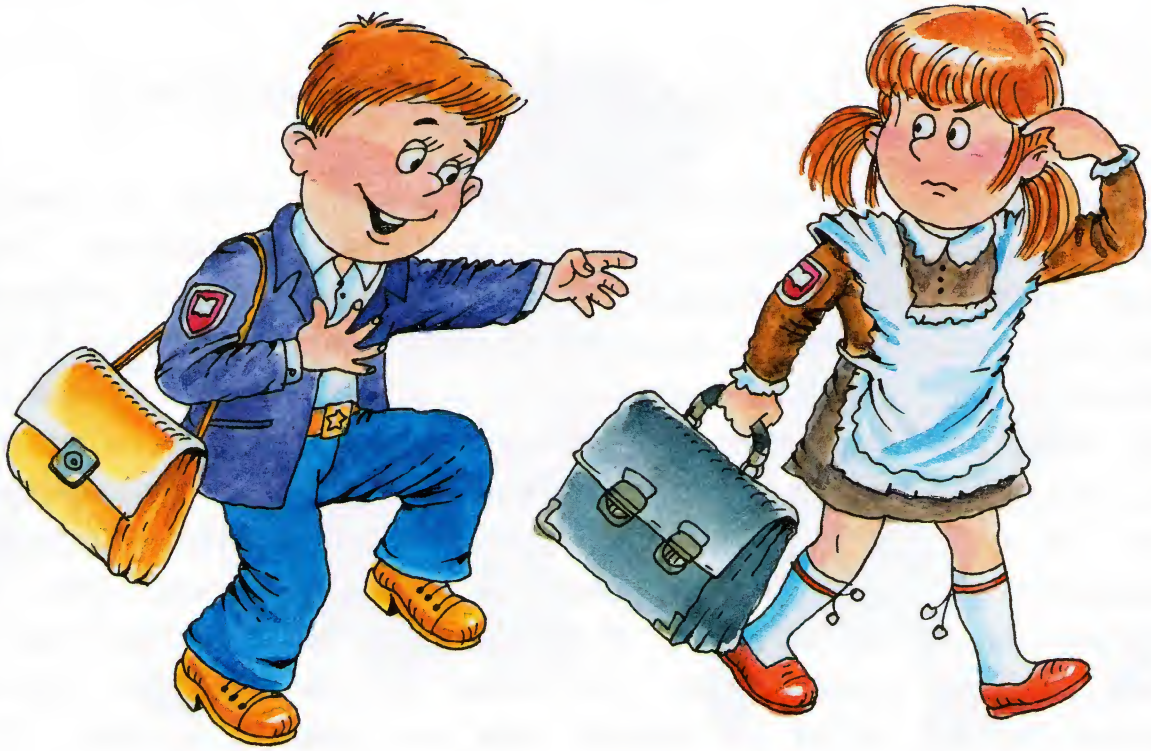
— Что это значит? Почему ты нам мешаешь?

Маленький папа молчал.

И учительница сказала:

— Выйди из класса.

Маленький папа встал и пошёл к двери. Но тут закричали две девочки.



Они кричали:

— Его Зайчиков уколол!

И тогда Афанасия Никифоровна сказала:

— Пусть выйдут из класса тот, кто кричал, тот, кто колол, и те, кто ябедничает. Правильно я говорю?

И все закричали:

— Правильно!

И девочки вышли из класса вместе с маленьким папой и Зайчиковым. Маленький папа шёл и плакал. Ему было очень обидно, что его сначала укололи, а потом выгнали. Зайчиков шёл и смеялся над девчонками и маленьким папой. Но видно было, что ему не так уж весело. Девочки не смеялись и не плакали, но им тоже было обидно.

На следующий день маленький папа пришёл в школу с большим гвоздём. И когда Афанасия Никифоровна

повернулась к ученикам спиной и стала писать на классной доске, маленький папа вынул свой гвоздь и уколол Зайчикова в руку. Зайчиков завопил так громко, что маленький папа даже испугался. Афанасия Никифоровна очень рассердилась.

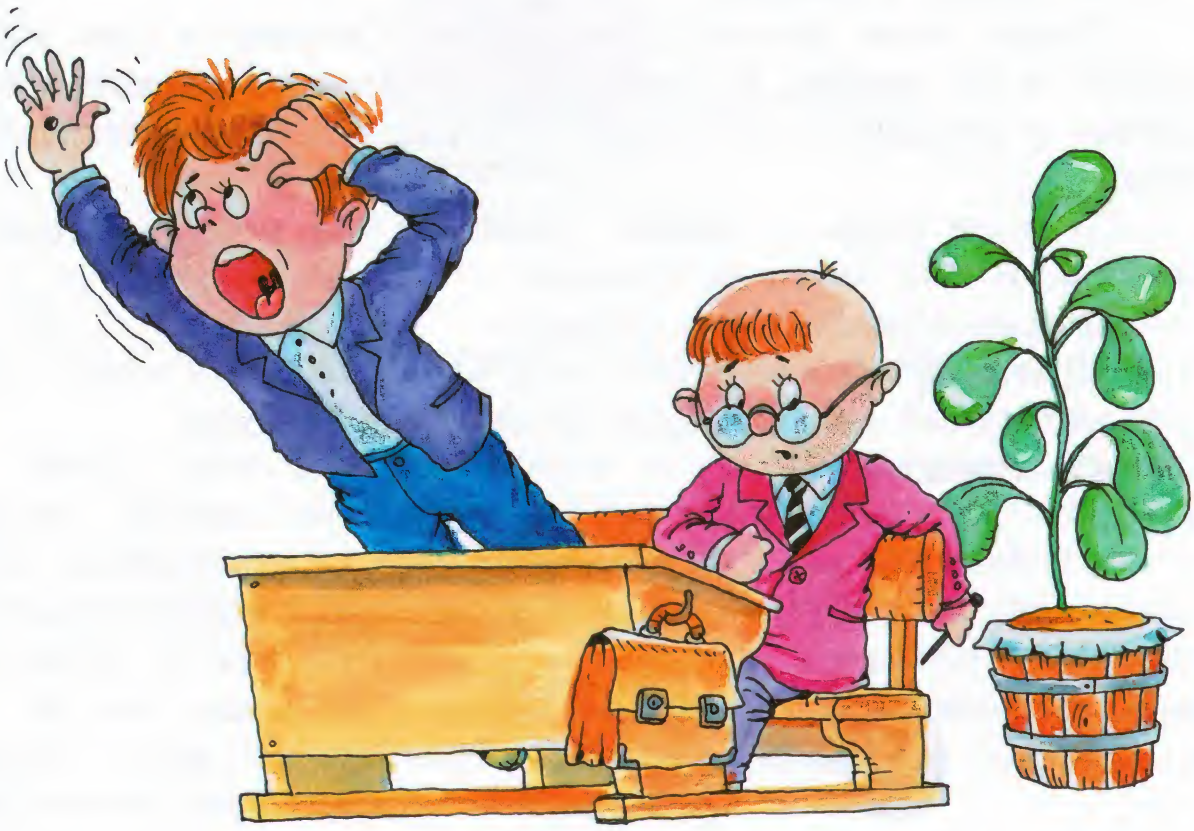
— Опять Зайчиков? — сказала она.

— Это не я-а-а... это меня-а-а... — простонал Зайчиков, держась за руку.

— Ах, вчера ты, а сегодня тебя? Очень интересно. Кто же уколол Зайчикова?

Все посмотрели на маленького папу. Но все молчали. Никто не хотел ябедничать. И даже Зайчиков замолчал и только тихо всхлипывал.

— Кто же это сделал? — спросила Афанасия Никифоровна своим самым сердитым голосом.



Маленький папа так испугался, что вдруг сказал:

— Я его не колол...

Тогда Афанасия Никифоровна спросила:

— Чем же ты его не колол?

И маленький папа быстро ответил:

— Вот этим гвоздём.

Тут все засмеялись так громко, что прибежал учитель из соседнего класса. Он спросил:

— Афанасия Никифоровна, чему вы так радуетесь?

— Мы радуемся тому, — сказала Афанасия Никифоровна, — что один мальчик не колол другого вот этим гвоздём, тот не кричал и весь класс не ябедничал. И никто не обманывал свою старую учительницу.

Тут всем ребятам стало очень стыдно, и все стали сердито смотреть на маленького папу.

И он встал и сказал:

— Вчера меня кололи, и я кричал. Сегодня я сам его уколол, и он кричал. А я врал. — Тут маленький папа помолчал и сказал: — Я больше не буду, Афанасия Никифоровна.

— И я не буду, — сказал Зайчиков, но погрозил папе кулаком, и ему никто не поверил.

Афанасия Никифоровна сказала:

— Врать — хуже всего.

И маленький папа больше ей не врал никогда.

Почти никогда.

Как папа отомстил немецкому языку

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него были разные отметки. По русскому языку — хорошо. По арифметике — удовлетворительно. По чистописанию — неудовлетворительно. По рисованию — плохо с двумя минусами. И учитель рисования обещал папе третий минус.

Но вот однажды в класс вошла новая учительница. Она была очень симпатичная. Молодая, красивая, весёлая, в каком-то очень нарядном платье.

— Меня зовут Елена Сергеевна, а вас как? — сказала она и улыбнулась.

И все закричали:

— Женя!

— Зина!

— Лиза!

— Миша!

Елена Сергеевна зажала себе уши, и все умолкли.

Тогда она сказала:

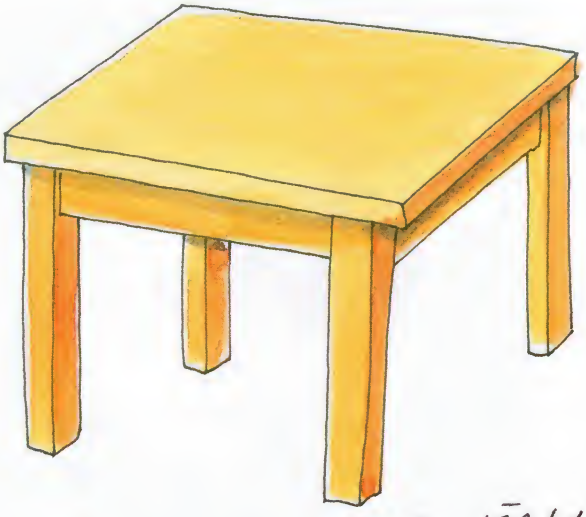
— Я буду вас учить немецкому языку. Согласны?

— Да! Да! — закричал весь класс.

И вот маленький папа начал учиться немецкому языку. Сначала ему очень понравилось, что стул по-немецки — дер штуль, стол — дер тыш, книга — дас бух, мальчик — дер кнабе, девочка — дас медхен.

Это было похоже на какую-то игру, и всему классу было интересно это узнать. Но когда начались склонения и спряжения, некоторые кнабе и медхен заскучали. Оказалось, что немецким языком надо заниматься серьёзно. Оказалось, что это не игра, а такой же предмет, как арифметика и русский язык. Надо было сразу учиться трём вещам: писать по-немецки, читать по-немецки и говорить по-немецки. Елена Сергеевна очень старалась, чтобы на её уроках было интересно. Она приносила в класс книжки с весёлыми историями, учила ребят петь немецкие песенки и шутила на уроке тоже по-немецки. И тем, кто занимался как следует, было действительно интересно. А те ученики, которые не занимались и не готовили уроков, ничего не понимали. И конечно, им было скучно. Они всё реже заглядывали в дас бух и всё чаще молчали, как дер тыш, когда Елена Сергеевна их спрашивала. А иногда, перед самым уроком немецкого языка, раздавался дикий крик: «Их хабе шпацирен!» — что в переводе на русский

дер штуль



дер тыш

дер кнабе

дас медхен

дас бух

ШПАЦИРЕН!

язык означало: «Я имею гулять!» А в переводе на школьный язык означало: «Я имею прогуливать!» Услышав этот вопль, многие ученики подхватывали: «Шпацирен! Шпацирен!» И бедная Елена Сергеевна, придя на урок, замечала, что все мальчики изучают глагол «шпацирен», а за партами сидят одни девочки. И это её, понятно, очень огорчало. Маленький папа тоже занимался главным образом шпациреном.

Он не хотел этим обидеть Елену Сергеевну. Просто очень весело было убегать с урока, прятаться от директора и учителей, скрываться на школьном чердаке от Елены Сергеевны. Это было гораздо интереснее, чем сидеть в классе, не выучив урока, и на вопрос Елены Сергеевны: «Хабен зи дер федермессер? (Есть ли у тебя перочинный нож?)» — отвечать после долгого раздумья: «Их нихт...» (что по-русски звучало очень глупо: «Я нет...»). Когда маленький папа так ответил, над ним смеялся весь класс. Потом смеялась вся школа. А маленький папа очень не любил, когда над ним смеялись. Он гораздо больше любил сам смеяться над другими. Если бы он был умнее, то начал бы заниматься немецким языком, и над ним перестали бы смеяться. Но маленький папа очень обиделся. Он обиделся на учительницу. Он обиделся на немецкий язык. И он отомстил немецкому языку. Маленький папа никогда им серьёзно не занимался. Потом он не занимался как следует французским языком в другой школе. Потом он почти не занимался английским языком в институте. И теперь папа не знает ни одного иностранного языка. Кому же он отомстил? Теперь папа понимает, что он обидел самого себя. Он не может читать многие свои любимые книги на том языке, на котором они написаны. Ему очень хочется поехать в туристическое путешествие за границу, но ему стыдно ехать туда, не умея говорить

ни на одном языке. Иногда папу знакомят с разными людьми из других стран. Они плохо говорят по-русски. Но все они учат русский язык, и все они спрашивают папу: «Шпрехен зи дойч?», «Парле ву франсе?», «Ду ю спик инглиш?» А папа только разводит руками и качает головой. Что он может ответить им? Только: «Их нихт...» И ему очень стыдно.

Как папа писал два сочинения

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него был товарищ Вася Середин. Вася жил рядом с маленьким папой. И они всегда вместе ходили в школу и вместе шли из школы домой. И в школе они сидели на одной парте. Когда был урок арифметики, Вася решал задачи быстрее всех. И он помогал маленькому папе по арифметике. А папа помогал Васе учить стихи и писать сочинения. И они были очень довольны друг другом. И даже дрались только между собой.

Однажды учительница задала всему классу урок. Надо было написать сочинение на тему «Как я провёл лето». Вася Середин сказал папе:

— Я не знаю, что мне писать...

Маленький папа спросил его:

— Ты где был летом?

— В деревне, — сказал Вася.

— Вот и напиши про деревню.

— А чего писать?

— Ну, что ты там делал летом?

— А я ничего не делал... Купался в речке, рыбу удил с ребятами, в лес ходил...

— Ну, вот и напиши всё это, — сказал маленький папа.

Вася Середин написал своё сочинение очень быстро и показал маленькому папе. Вот что он написал:

Как я провёл лето

Я летом был в деревне у бабушки. Купался, ловил рыбу, ходил в лес с ребятами. Летом в деревне хорошо.

В. Середин.

— Какое же это сочинение? — сказал маленький папа. — Ты напиши про бабушку, какая она была, что говорила, что делала, какие песни пела...

— Она не пела, она сказки говорила, — сказал Вася.

— Вот и напиши про сказки. Напиши, какие были ребята. Про речку напиши и про лес.

— Я так не умею, — сказал Вася. — Лучше я тебе всё расскажу, а ты мне напиши.

И Вася всё рассказал папе про бабушку, про ребят, про лес и речку. Папа написал большое сочинение. Он очень старался. И сочинение получилось хорошее. Вася был очень доволен.

— Теперь я перепишу, — сказал он, — а ты пиши своё сочинение. А то уже поздно.

Когда Вася ушёл и маленький папа сел писать своё сочинение, дело у него пошло гораздо хуже. Писать два раза подряд одно и то же не так просто. Маленький папа тоже летом жил в деревне, тоже бегал в лес и на речку. Про всё это он уже писал за Васю. И теперь он думал только об одном: как бы написать не похоже на Васино сочинение. А то учительница сразу догадается, что он писал за двоих. Маленький папа уже не думал о том,

хорошо или плохо он напишет. И он написал сочинение, которое совсем не было похоже на Васино. Оно даже, по словам учительницы, вообще ни на что не было похоже.

Раздавая ученикам их домашние работы, учительница сказала так:

— Вот, ребята, ваши сочинения, лучше всех написал Вася Середин. Его сочинение я сейчас прочту вслух.

И она прочла первое папино сочинение, то самое, что он написал за Васю.

— Молодец, Вася! — сказала учительница. — Очень хорошо написал. Грамотно, интересно, живо. Хорошая у тебя бабушка! И товарищи у тебя хорошие!

При этом она почему-то посмотрела на маленького папу. Вася Середин очень покраснел. Он не любил, когда его зря хвалили.

Потом учительница сказала:

— А теперь я прочту самое плохое сочинение. — И она прочла то, что написал маленький папа во второй раз.

И тут покраснел маленький папа. Он не любил, когда его зря ругали, и ему было стыдно.

Прочитав папино сочинение, учительница сказала:

— Я надеюсь, что в следующий раз ты напишешь лучше, а Вася не хуже. Ты меня понял?

— Да... — тихо сказал маленький папа.

— А ты, Вася? — спросила учительница.

И Вася тоже тихо ответил:

— Понял...

Оба они сидели красные, и весь класс смотрел на них, ничего не понимая. Маленький папа и Вася Середин ничего не сказали друг другу. Но с тех пор маленький папа стал сам решать задачи, а Вася писал сочинения без папиной помощи. Конечно, сначала маленький папа часто ошибался, а Васины сочинения были не очень хорошими. Но потом у обоих дело пошло на лад, и оба они поняли, что надо всё делать самому, а то никогда ничему не научишься. И они сидели на одной парте ещё много лет.

Эмма Мошковская

Уборка в школе

Говорила Зоря Боре:
— Моем окна в коридоре.
А перила —
Для Кирилла.

— Для Кирилла?
— Для Кирилла.

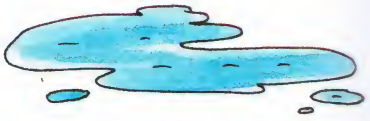
— Все перила?!
— Все перила.

Я же ясно говорила,
Что перила — для Кирилла.

— Он не сможет все перила,
Что бы ты ни говорила!

— Ерунда! —
Сказал Кирилл. —
Съеду я со всех перил!

Безо всякой тряпки
Будет всё в порядке!



Я б ответил на отлично!

Вот спросили б на уроке
Не про реки и притоки,
Не про горы и дороги,
И потоки, и пороги...
А спросили б на уроке,
Как вчера
Ловились
Раки —

Сорок штук поймал я лично, —
Я б ответил
На отлично!

А потом среди двора
Начиналась бы
Игра.

Мы играли бы
В уроки,
Мы учили бы
Притоки.

И про горы,
И дороги,
И потоки,
И пороги,
И про реки...

Я бы лично,
Я б ответил
На отлично!

Таблица умножения

— Скажи нам,
Сколько шестью шесть?

— Вы погодите,
Дайте сесть!
Я сразу не соображу!
Я посижу, тогда скажу.

— А сколько будет пятью пять?
Уж это стыдно бы не знать!

— Ну как мне этого не знать,
Я просто не хочу сказать!
Вот не желаю,
Не хочу,
Вот не хочу
И промолчу!

— А сколько будет семью семь?
— Вы надоели мне совсем!

Я это завтра вам решу,
Сейчас я занят —
Я спешу.

— А сколько будет трижды три?
Скажи, да только не соври!

— Я очень болен!
Я — в жару!
В жару
Я, может быть, совру...

— А сколько будет дважды два?!
— От вас устала голова...
Ну отвяжитесь, вас прошу!
Пойду
у мамы я спрошу...

Юрий Коваль

Нюрка

Нюрке дядизуевой было шесть лет.

Долго ей было шесть лет. Целый год.

А как раз в августе стало Нюрке семь лет.

На Нюркин день рождения дядя Зуй напёк калиток — это такие ватрушки с пшённой кашей — и гостей позвал. Меня тоже. Я стал собираться в гости и никак не мог придумать, что Нюрке подарить.

— Купи конфет килограмма два, — говорит Пантелевна. — Подушечек.

— Ну нет, тут надо чего-нибудь посерьёзнее.

Стал я перебирать свои вещи. Встряхнул рюкзак — чувствуется в рюкзаке что-то тяжёлое. Ёлки-палки, да это же бинокль! Хороший бинокль. Всё в нём цело, и стёкла есть, и окуляры крутятся.

Протёр я бинокль сухой тряпочкой, вышел на крыльцо и навёл его на дядизуев двор. Хорошо всё видно: Нюрка по огороду бегает, укроп собирает, дядя Зуй самовар ставит.

— Нюрка, — кричит дядя Зуй, — хрену-то накопала?

Это уже не через бинокль, это мне так слышно.

— Накопала, — отвечает Нюрка.

Повесил я бинокль на грудь, зашёл в магазин, купил два кило подушечек и пошёл к Нюрке.

Самый разный народ собрался. Например, Федюша Миронов пришёл в хромовых сапогах и с мамашей Мироншхой. Принёс Нюрке пенал из берёсты. Этот пенал дед Мироша сплёл.

Пришла Маня Клеткина в возрасте пяти лет. Принесла Нюрке фартук белый, школьный. На фартуке вышито в уголке маленькими буковками: «Нюри».

Пришли ещё ребята и взрослые, и все дарили Нюрке что-нибудь школьное: букварь, линейку, два химических карандаша, самописку.

Тётка Ксеня принесла специальное коричневое первоклассное школьное платье. Сама шила. А дядя Зуй подарил Нюрке портфель из жёлтого кожзаменителя.

Братья Моховы принесли два ведра черники.

— Целый день, — говорят, — собирали. Комары жгутся.

Мирониха говорит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное? — говорят братья Моховы. — Очень даже школьное.

И тут же сами поднавалились на чернику.

Я говорю Нюрке:

— Ну вот, Нюра, поздравляю тебя. Тебе теперь уже семь лет. Поэтому дарю тебе два кило подушечек и вот — бинокль.

Нюрка очень обрадовалась и засмеялась, когда увидела бинокль. Я ей объяснил, как в бинокль глядеть и как на что наводить. Тут же все ребята отбежали шагов на десять и стали на нас в этот бинокль по очереди глядеть.

А Мирониха говорит, как будто бинокль первый раз видит:

— Это нешкольное.

— Почему же нешкольное, — обиделся я, — раз в него будет школьница смотреть!

А дядя Зуй говорит:

— Или с учителем Алексей Степанычем залезут они на крышу и станут на звёзды глядеть.

Тут все пошли в дом и как за стол сели, так и навалились на калитки и на огурцы. Сильный хруст от огурцов

стоял, и особенно старалась мамаша Мирониха. А мне понравились калитки, сложенные конвертиками. Нюрка была весёлая. Она положила букварь, бинокль и прочие подарки в портфель и носилась с ним вокруг стола.

Напившись чаю, ребята пошли во двор в лапту играть.

А мы сели у окна и долго пили чай и глядели в окно, как играют ребята в лапту, как медленно приходит вечер и как летают над сараями и над дорогой ласточки-касатки.

Потом гости стали расходиться.

— Ну, спасибо, — говорили они. — Спасибо вам за огурцы и за калитки.

— Вам спасибо, — отвечала Нюрка, — за платье спасибо, за фартук и за бинокль.

Прошла неделя после этого дня, и наступило первое сентября.

Рано утром я вышел на крыльцо и увидел Нюрку.

Она шла по дороге в школьном платье, в белом фартуке с надписью «Нюри». В руках она держала большой букет осенних золотых шаров, а на шее у неё висел бинокль.

Шагах в десяти за нею шёл дядя Зуй и кричал:

— Смотри-ка, Пантелевна, Нюрка-то моя в школу пошла!

— Ну-ну-ну... — кивала Пантелевна. — Какая молодец.

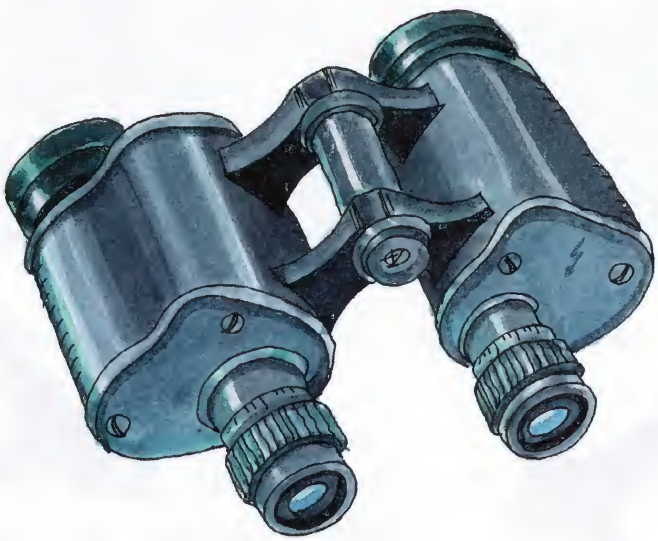
И все выглядывали и выходили на улицу посмотреть на Нюрку, потому что в этот год она была единственная у нас первоклассница.

Около школы встретил Нюрку учитель Алексей Степаныч. Он взял у неё цветы и сказал:

— Ну вот, Нюра, ты теперь первоклассница. Поздравляю тебя. А что бинокль принесла, так это тоже молодец. Мы потом залезем на крышу и будем на звёзды смотреть.

Дядя Зуй, Пантелевна, тётка Ксеня, Мирониха и ещё много народу стояли у школы и глядели, как идёт Нюрка по ступенькам крыльца. Потом дверь за ней закрылась.

Так и стала Нюрка первоклассницей. Ещё бы, ведь ей семь лет. И долго ещё будет. Целый год.



Марина Бородицкая

Первое сентября

Обёрнуты книги,
Готовы закладки,
Бумагою гладкой
Сияют тетрадки.

В них будут отныне
Писать аккуратно:
Прощайте навеки,
Помарки и пятна!

Простой карандаш,
Карандаш красно-синий
И три запасных —
Так и будет отныне.

Взамен деревянной
Линейки невзрачной
Вчера ещё куплен
Угольник прозрачный.

Вот новенький ранец
С защёлкой тугою:
Его никогда
Не ударят ногою,

На нём ни за что
Не прокатятся с горки,
В нём станут селиться
Сплошные пятёрки!

А утро начнётся
С холодного душа;
На завтрак завёрнута
Жёлтая груша,

И вкус её сладок,
И вид её ярок,
Как свет новой жизни
Без клякс и помарок!

Первоклассник

Первоклассник, первоклассник
Нарядился, как на праздник!

Даже в лужу не зашёл:
Погляделся — и прошёл.

Уши вымыты до глянца,
Алый гриб на крышке ранца,

Да и сам он как грибок —
Из-под кепки смотрит вбок:

Все ли видят? Все ли знают?
Все ль от зависти вздыхают?

Сергей Махотин

Дома забыл

На алгебре — сдача домашних работ.
Дежурный тетради сейчас соберёт.
Робею, молчу,
И свет мне не мил.
Встаю, лепечу:
— Я тетрадку забыл...

Всего-то обидней, что я не соврал.
Вчера я с ребятами не доиграл,
Задачи решал,
И числа дробил,
И — надо же! — дома тетрадку забыл.

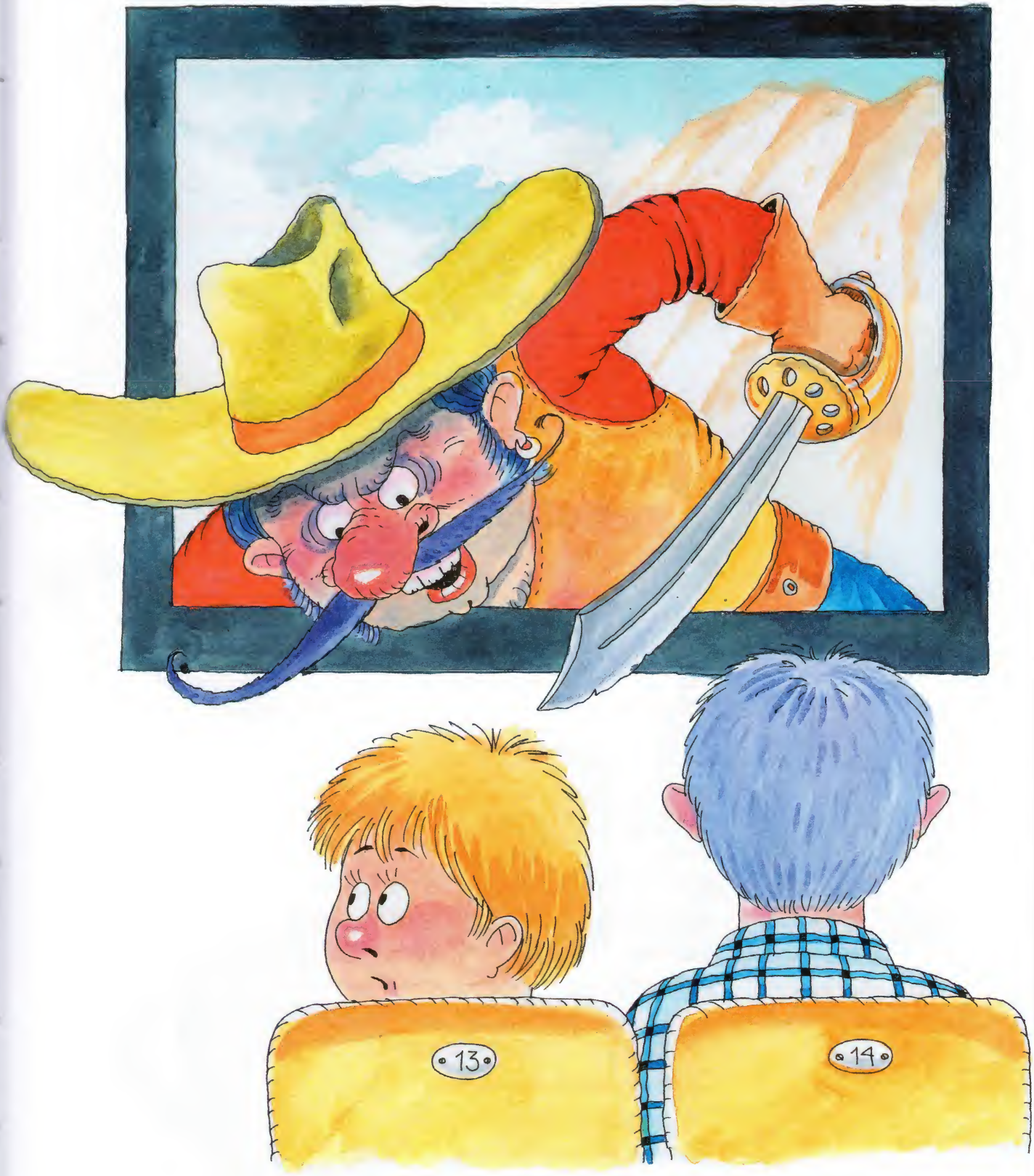
Я понял закон извлеченья корней
И вдруг обнаружил,
Что стал я умней!
Тетрадку вот только забыл на окне...
Прошу вас,
Поверьте, пожалуйста, мне!

Я был в кино

Я больше часа просидел
В большом кинотеатре.
Я не пыхтел и не потел,
Деля четыре на три.

И не решал, косясь в окно,
Я никаких задач.
Но вот чем кончилось кино,
Не помню я, хоть плачь!

Звенел клинок,
Скакал стрелок,
И волновался зал.
А я всё думал про урок,
С которого сбежал.


13
14

Домашнее задание

В окошко дождь стучится.
На дождь смотрю весь день я.
Вот-вот оно случится,
Плохое настроенье.

В шкафу полно компота,
Сгущёнки и варенья,
Но есть их неохота —
Такое настроенье.

И вдруг — звонят в квартиру!
Я дверь приоткрываю
И вижу Таню, Иру,
Алёшку, Вовку, Раю.

Да здравствует сложенье
И даже вычитанье!
Мне принесли из школы
Домашнее заданье!

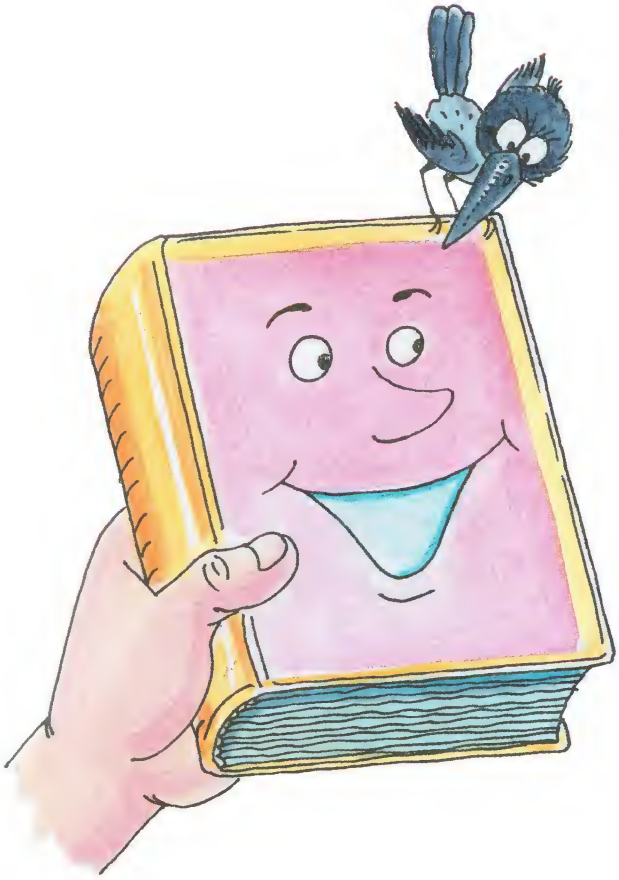
Я всех на кухню к чаю
Тащу из коридора,
Ребятам обещаю,
Что выздоровлю скоро.

Гудит от нетерпенья
Наш чайник на горелке,
И я кладу варенье
В глубокие тарелки!

Марина Дружинина

Весёлые задания

Загадки



Какая водица только для грамотного годится?

(Чернила)

Земля беленькая, а птички на ней чёрненькие.

(Бумага и буквы)

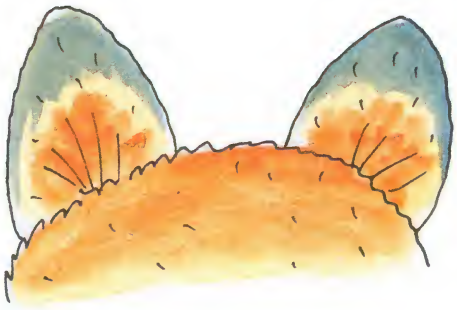
На полке молчит. В руки возьмёшь — сейчас заговорит.

(Книга)

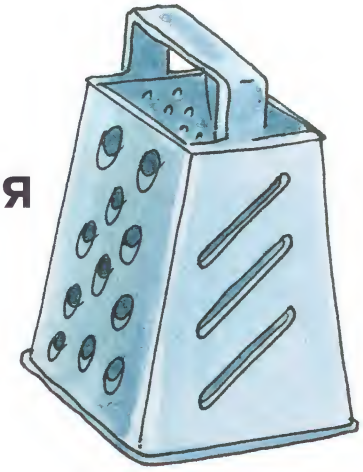
Стоит дом. Войдёшь в него слепым, а выйдешь зрячим.

(Школа)

Разгадай ребусы

ИГР  ,

ЧЕРТ ,

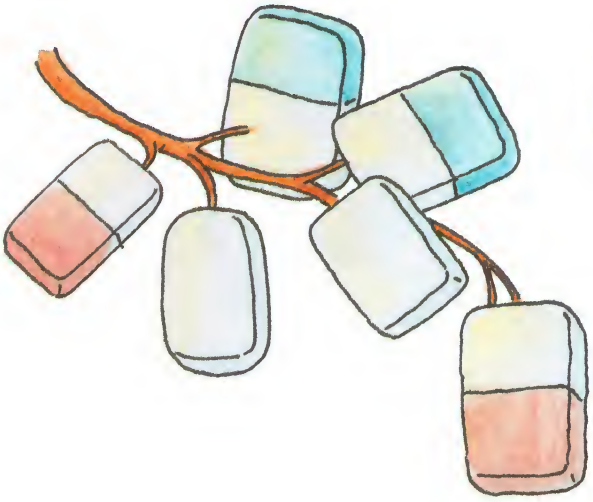
ПЯ  ,

УЧИТ ,

РИ НИЕ.

(Игрушки, чертёж, пятёрка, учитель, рисование)

Найди ошибку



Как быстро закончились в ТУЧКЕ чернила!
А ТУЧКУ со стержнем я дома забыла.
(в ручке, ручку)

Вася пишет на доске, МЕЧ скрипит в его руке.
(Мел)

Учитель пишет на НОСКЕ,
а ученица —
на листке.
(На доске)

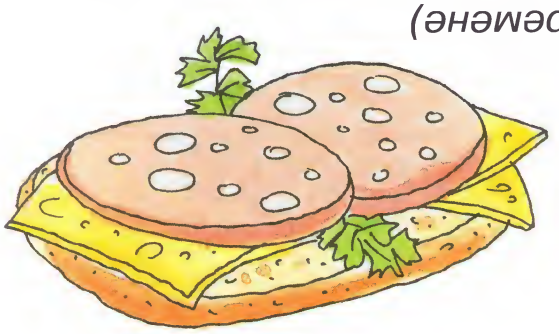
Оживает тополь
за окном,
появились ЛАСТИКИ
на нём.
(Листики)

Без МУЛА, должен
я сказать,
нам на доске
не написать.
(Без мела)

Закончи фразу

Объяснил одноклассник Елене:
— Будем есть на большой ... .

(Перемене)



Иду на пару с Вовою
Позавтракать в ... .

(Столовую)

Толкались и дрались мальчишки,
Теперь на лбу у них по ... .

(Шишке)

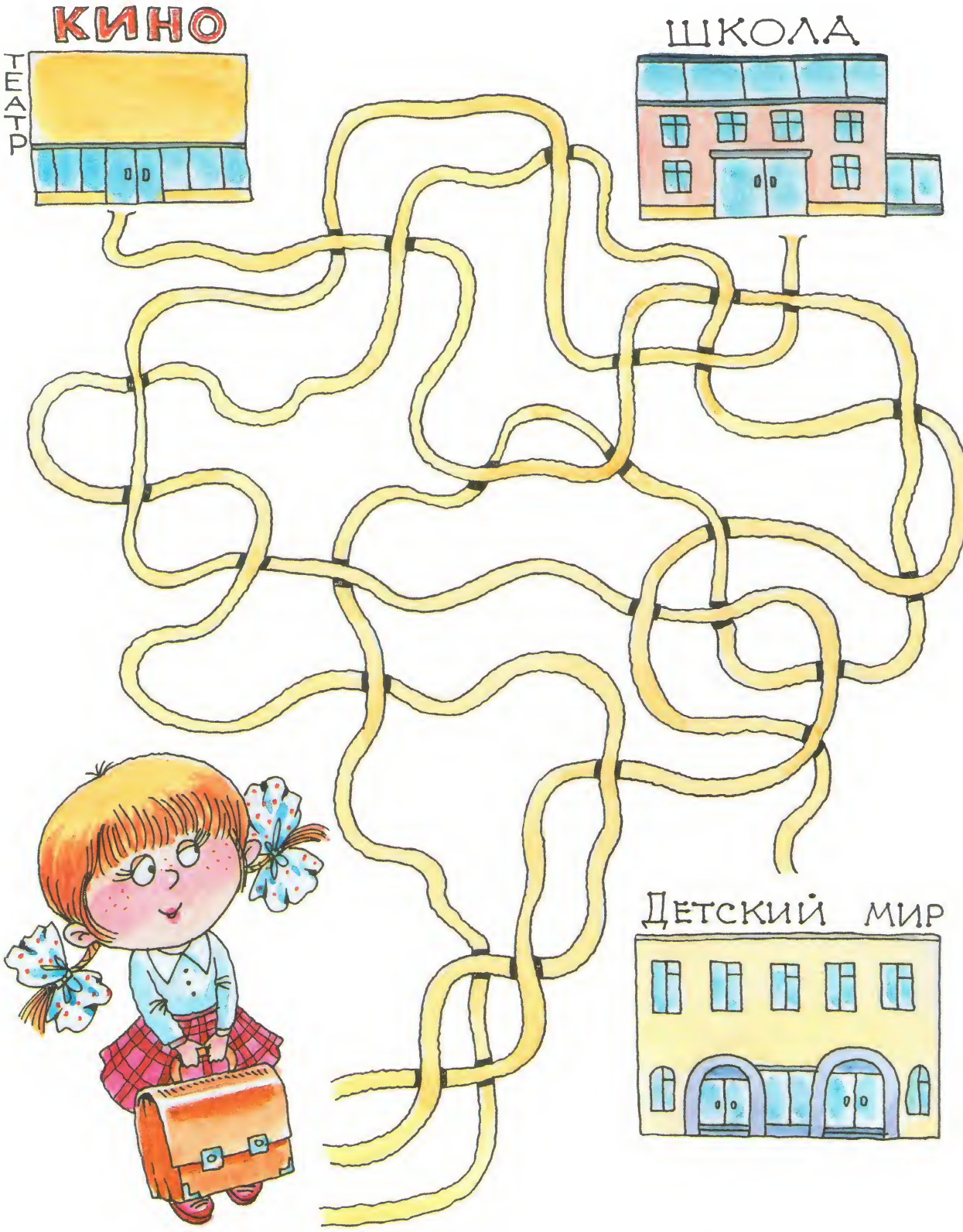
Сказал директор строго Коле:
— Нельзя носиться так по ... .

(Школе)

Вежливо просит Иван:
— Можно мне чая ... .

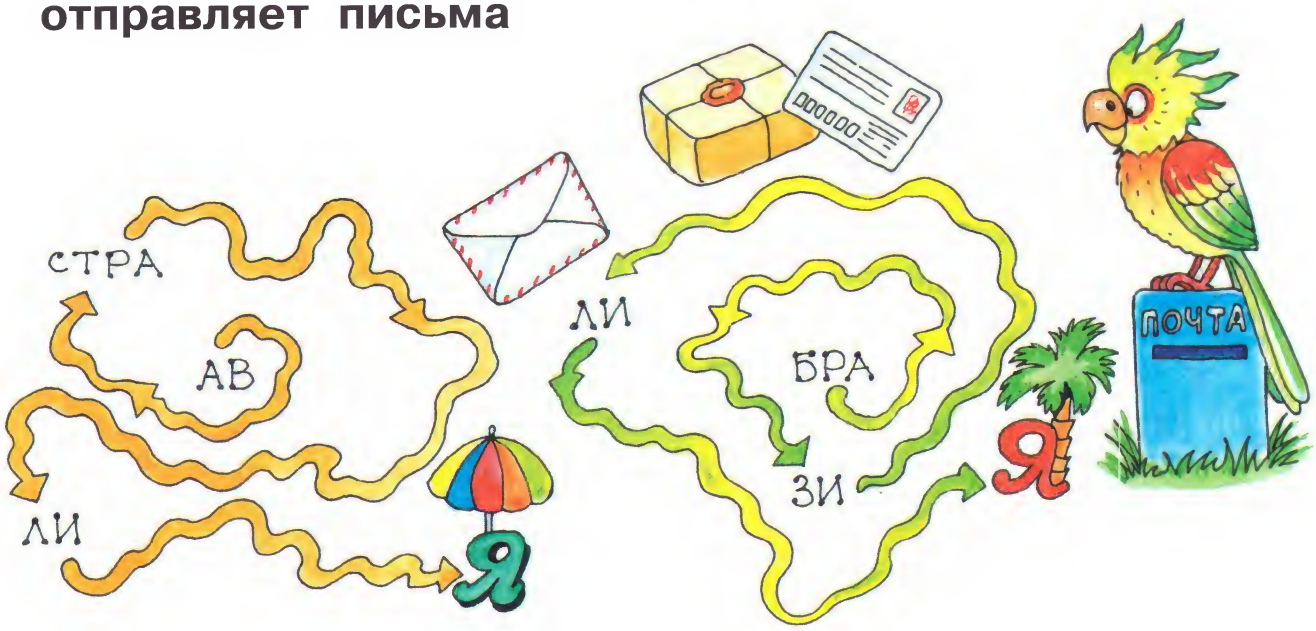
(Стакан)

Помоги девочке добраться до школы

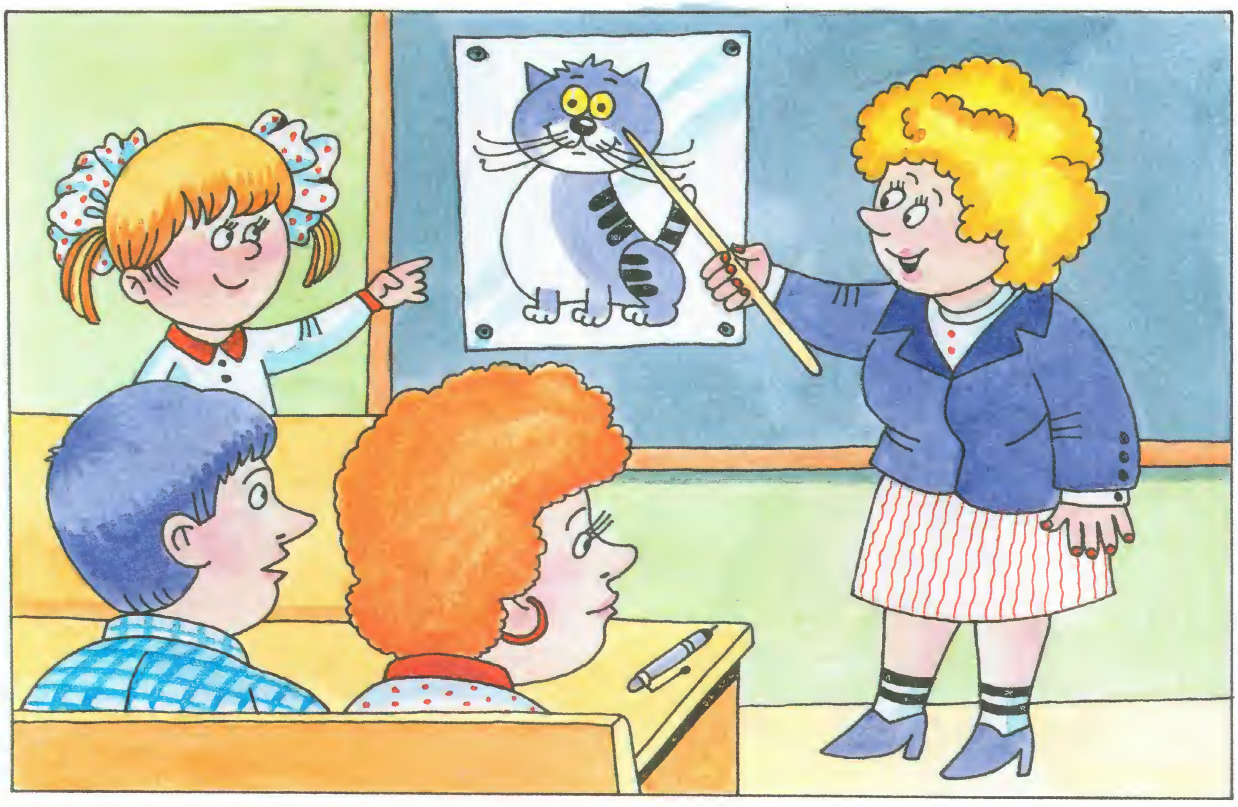


Найди два одинаковых рюкзачка

Прочитай названия стран, откуда попугай отправляет письма



Что напутал художник?



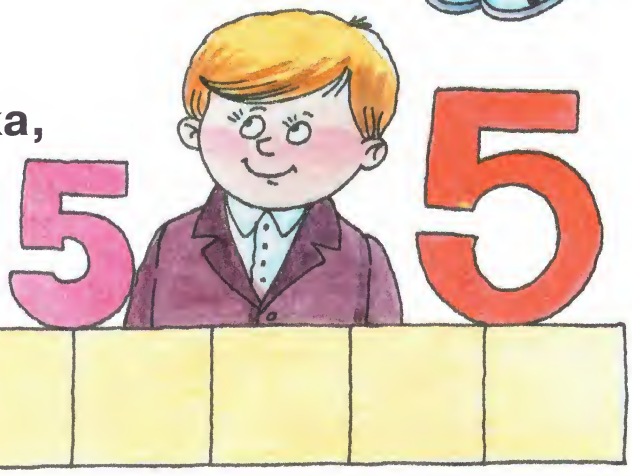
Найди десять отличий между картинками

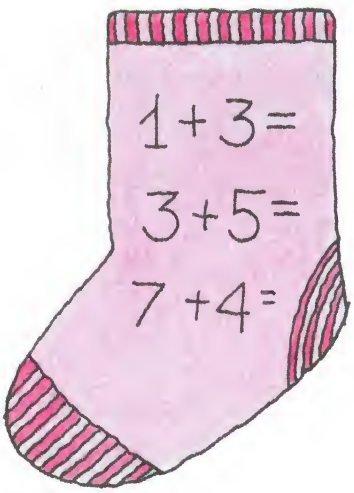
Найди ошибку

Учитель вызывает Веру:
— Реши-ка на НОСКЕ примеры!
(На доске)

ЩУЧКА быстро бежит
по листочку, а за нею красивая строчка.
(Ручка)

Впиши в клеточки, как называют человека, который учится на одни пятёрки





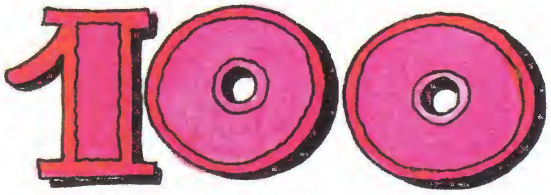
Разгадай ребусы

М ,

П ЛКА,

ГЕ ,

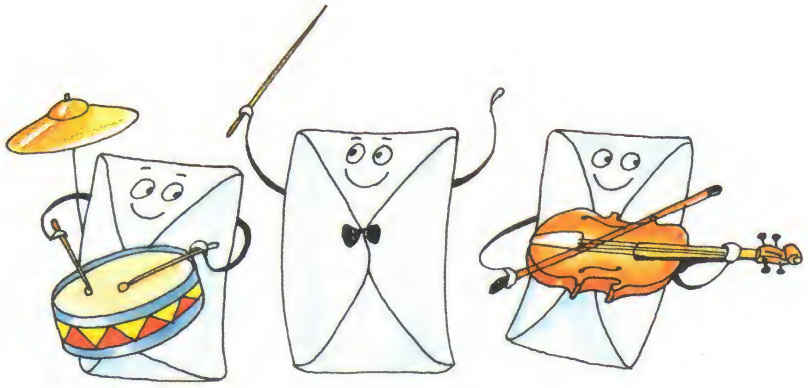
Ж Л,

И  РИЯ,

ОБ .

(Марка, посылка, герой, журнал, история, обложка)

Найди ошибку



На почту очень я спешу —
КОНЦЕРТ для писем попрошу.
(Конверт)

Сяду с книжкой на кровать,
Поскорей начну ЧИХАТЬ.
(Читать)

Мы с приятелем твердим:
— Дайте СКАЛКИ братьев Гримм!
(Сказки)

ПОЧТА наконец-то раскрывается,
Из неё листочки появляются.
(Почка)

МАЙКУ на конверт наклею —
Полетит письмо в Гвинею.
(Марку)

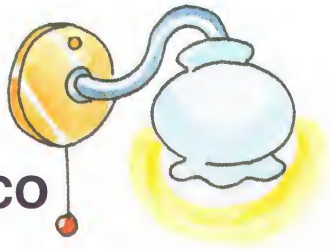
Что здесь лишнее?

В портфеле школьника должны быть:
карандаши, тетради, учебники, ручка, хлопушки, ластик.

(Конечно, хлопушки не должны находиться в портфеле)

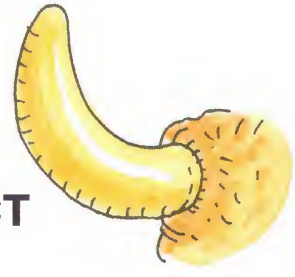
Разгадай ребусы

РОДИТ



СКОЕ СО НИЕ,

ИК,

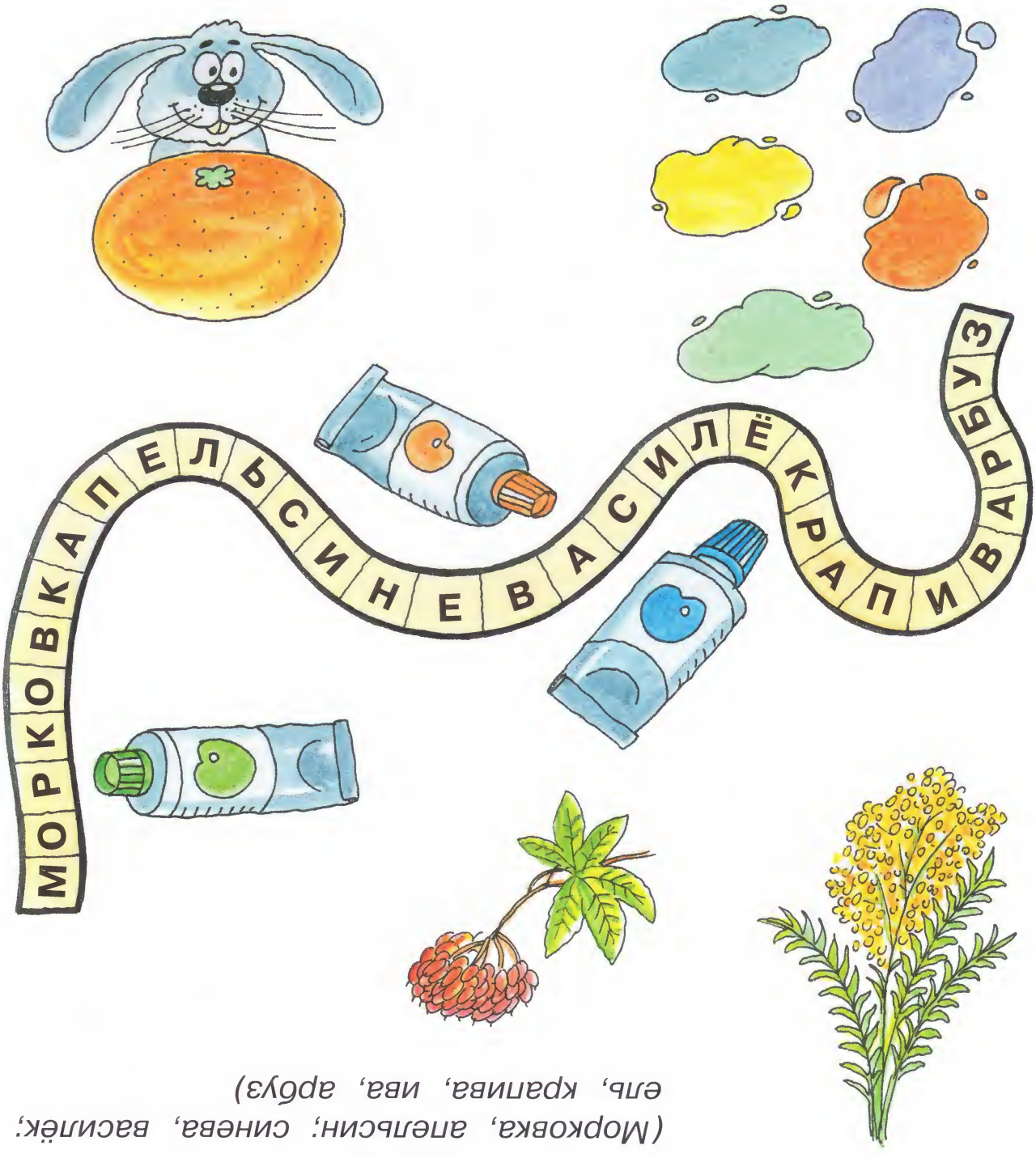


СТ ОЕ ЗА

АНИЕ.

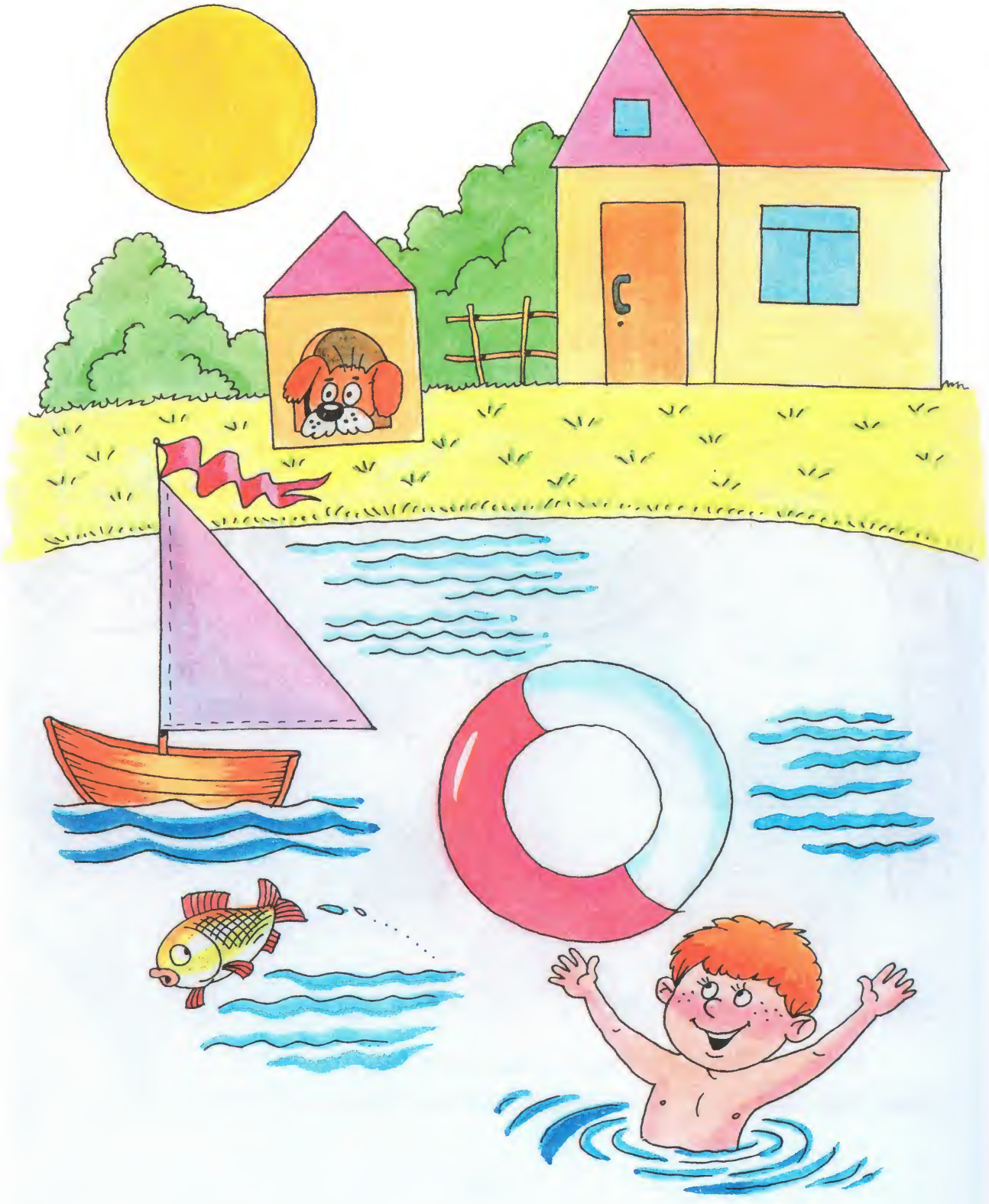
(Родительское собрание, ластик, строгое замечание)

Найди в чайнворде два слова, обозначающие предметы оранжевого цвета, два — синего и четыре — зелёного

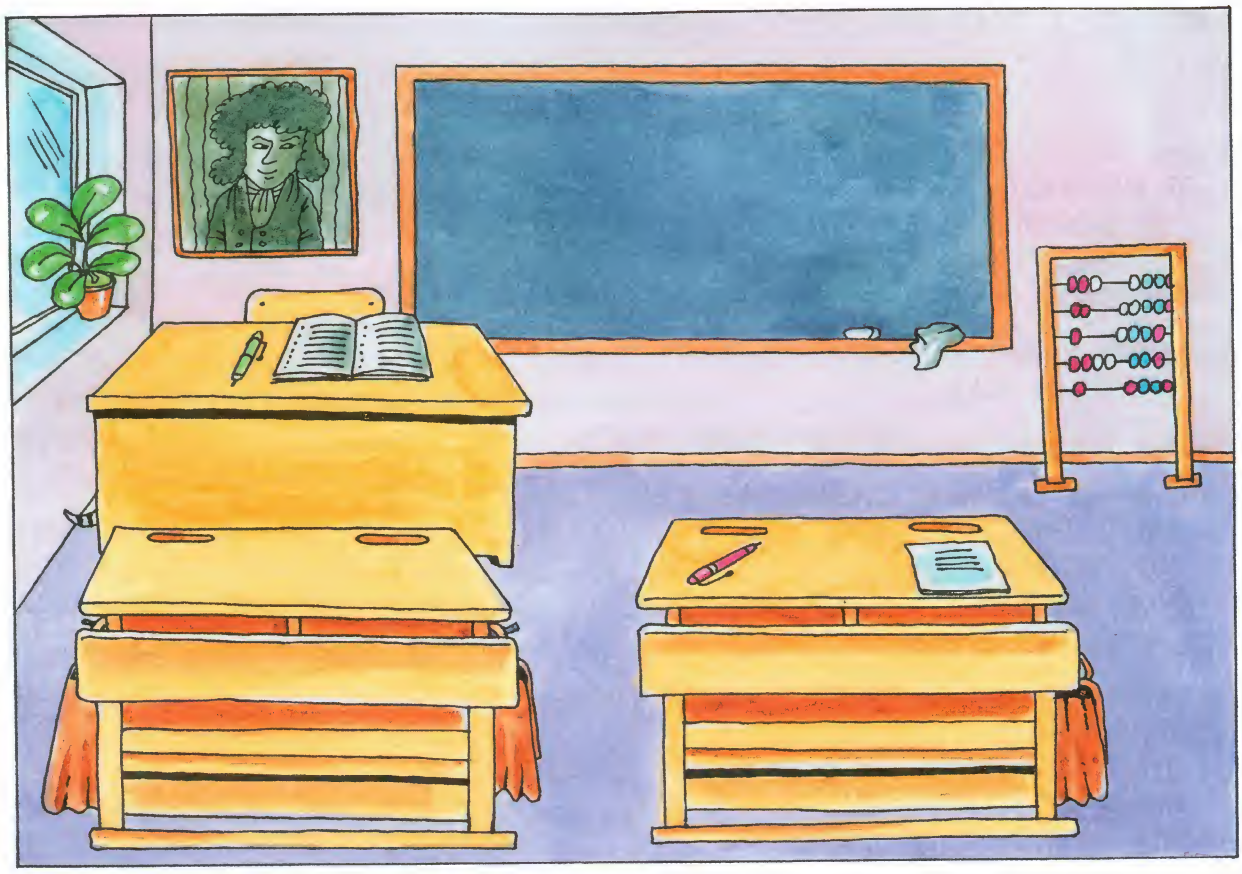


(Морковка, апельсин; синева, василёк; ель, крапива, ива, арбуз)

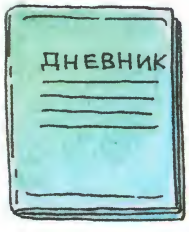
Найди на рисунке пять квадратов, четыре прямоугольника, три треугольника, три круга



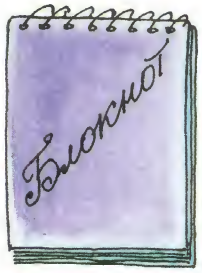
В класс забежал котёнок. Найди его.



Закончи строчку



На уроке кривлялся, шумел
озорник,
Замечание он получает в ... .
(Дневник)



Для рисования Федот
Купил тетрадь, альбом, ...
(блокнот)

Школьники должны, конечно, знать:
В класс вошёл учитель — нужно ... .
(встать)

Содержание

Агния Барто. ПЕРВЫЙ УРОК 5
Я ВЫРОСЛА 6
ПО ДОРОГЕ В КЛАСС 8
СЕРЁЖА УЧИТ УРОКИ 10
ЗВОНКИ 12

Зинаида Александрова. В ШКОЛУ 14
ДЕТСКИЙ САД 15

Ирина Токмакова. БУКВАРИНСК 17

Валентина Осеева. СИНИЕ ЛИСТЬЯ 19
НАВЕСТИЛА 21
ТРИ ТОВАРИЩА 23
ВСЕ ВМЕСТЕ 24
ВЫРВАННЫЙ ЛИСТ 25

Валентин Берестов. УРОК РИСОВАНИЯ 26
ЧИТАЛОЧКА 26
«ШЁЛ В ШКОЛУ И МЯЧИК НА КРЫШЕ САРАЯ...» 27
ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 28
ГДЕ ПРАВО, ГДЕ ЛЕВО 28
У МЕНЯ В ПОРТФЕЛЕ 29

Ирина Пивоварова. О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА 32
СОЧИНЕНИЕ 37
«ПРИВЕТ С ДАЛЁКОГО СЕВЕРА!» 41

Борис Заходер. ПОЗНАКОМИМСЯ 55
МЫ — ДРУЗЬЯ 56
ПЕРЕМЕНА 58
МОРСКОЙ БОЙ 60
ДВА И ТРИ 62

Леонид Каминский. ДЛЯ ЧЕГО ХОДЯТ В ШКОЛУ 64
В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА 65
РАБОТА НАД оШИБКАМИ 69

Виктор Драгунский. НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА 73
СЛАВА ИВАНА КОЗЛОВСКОГО 79
«ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ...» 87
ПОЖАР ВО ФЛИГЕЛЕ, ИЛИ ПОДВИГ ВО ЛЬДАХ... 97

Яков Аким. В ШКОЛУ 111
В НАШЕМ КЛАССЕ УЧЕНИЦА 113
МИТИНЫ КАНИКУЛЫ..... 114

Марина Дружинина. НЕПОСЛУШНЫЕ ЦЫПЛЯТА 116
МОЙ ПРИЯТЕЛЬ — СУПЕРМЕН..... 121

Андрей Усачёв. СКОРО В ШКОЛУ..... 127
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ 132
СПАСАТЕЛЬ 136

Александр Раскин. КАК ПАПА ПОШЁЛ В ШКОЛУ 137
КАК ПАПА ОПАЗДЫВАЛ..... 141
КАК ПАПУ ДЕВОЧКИ ОБИЖАЛИ 148
КАК ПАПА ОБМАНЫВАЛ УЧИТЕЛЬНИЦУ..... 153
КАК ПАПА ОТОМСТИЛ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ 159
КАК ПАПА ПИСАЛ ДВА СОЧИНЕНИЯ 165

Эмма Мошковская. УБОРКА В ШКОЛЕ 172
Я Б ОТВЕТИЛ НА ОТЛИЧНО! 174
ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ 176

Юрий Коваль. НЮРКА 178

Марина Бородицкая. ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 185
ПЕРВОКЛАССНИК..... 186

Сергей Махотин. ДОМА ЗАБЫЛ..... 187
Я БЫЛ В КИНО..... 188
ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ 190

Марина Дружинина. ВЕСЁЛЫЕ ЗАДАНИЯ 192

УДК 821.161.1-32-1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
П44

Подарок первокласснику : Стихи, рассказы, ребусы, кроссворды / худож. П44 А. Лукьянов. — Москва : Издательство ОНИКС-ЛИТ, 2017. — 208 с. : ил.
ISBN 978-5-4451-0555-8

В книгу вошли замечательные стихи и рассказы о школьной жизни: о новых друзьях и их проделках, о строгих учителях и весёлых переменах, словом, обо всём, что происходит на уроках и не только на них. Возможно, не сразу, а постепенно, ребята прочитают рассказы Виктора Драгунского, Леонида Каминского, Ирины Пивоваровой, Марины Дружининой, стихи Бориса Заходера, Валентина Берестова и Андрея Усачёва. Они не только доставят им много приятных минут, но и помогут понять, что учёба — это серьёзное, но совсем не скучное занятие, здесь есть место юмору и смеху, смекалке и взаимовыручке.

УДК 821.161.1-32-1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Литературно-художественное издание
ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПОДАРОК ПЕРВОКЛАССНИКУ

Стихи, рассказы, ребусы, кроссворды

Художник *А.Н. Лукьянов*

Ответственный за выпуск *В.С. Рябченко*. Художественный редактор *С.В. Меркулов*
Технический редактор *Р.С. Умеренкова*. Корректор *И.М. Гальченко*
Компьютерная верстка *С.В. Пильт*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953 000 — книги, брошюры

Подписано в печать 02.03.2017
Формат 84x108$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84
Тираж 10000 экз. Заказ № 4094

ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ»
119017, Москва, пер. Пыжевский, д. 5, стр. 1
Отдел реализации: тел. (495) 649-85-07
Интернет-магазины: www.labirint.ru, www.my-shop.ru, www.ozon.ru

Дата изготовления март 2017 г.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы»
ОАО «Издательство «Высшая школа». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46.
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

ISBN 978-5-4451-0555-8

© Аким Я.Л., наследники, текст, 2017
© Александрова З.Н., наследники, текст, 2017
© Барто А.Л., наследники, текст, 2017
© Берестов В.Д., наследники, текст, 2017
© Бородицкая М.Я., текст, 2017
© Драгунский В.Ю., наследники, текст, 2017
© Дружинина М.В., текст, 2017
© Борис Заходер, наследники, текст, 2017
© Каминский Л.Д., наследники, текст, 2017
© Коваль Ю.И., наследники, текст, 2017
© Махотин С.А., текст, 2017
© Осеева В.А., наследники, текст, 2017
© Пивоварова И.М., наследники, текст, 2017
© Раскин А.Б., наследники, текст, 2017
© Токмакова И.П., текст, 2017
© Усачёв А.А., текст, 2017
© ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ», иллюстрации, оформление, 2017

6+

2693097
М-23-11-3-1
1 шт | 411

ISBN 978-5-4451-0555-8
9 785445 105558

ОНИКС

ЕАС